

**РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ «АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
ОБРАЗОВАНИЯ» ПО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

**188309 Ленинградская область,
г. Гатчина, пр. 25 Октября дом 16Б**

**НОУ ВПО «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»**

191014 Санкт-Петербург, Литейный 42

Гатчинские страницы

(Электронный журнал)

Вып. 1(4)

Главный редактор: Академик АИО Г. В. Никитина

**Санкт-Петербург
2012**

ISSN 2222-7504

**РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ» ПО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

188309 Ленинградская область,

г. Гатчина, пр. 25 Октября дом 16Б

**НОУ ВПО «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ,
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»**

Санкт-Петербург, Литейный 42

2012 год Выпуск 1(4).

Гатчинские страницы

Электронный журнал. Издаётся с 2011 года.

Главный редактор: Академик АИО, профессор Г.В. Никитина

Редакционный совет:

Ваграменко Я.А., Климов С.М., Никитина Г.В., Романенко В.Н., Супранюк С.Б.

Редакционная коллегия:

*Абрамович С.А., Бельфор. В.М., Добрускин Э.В., Корец В.В., Никитина Г.В.,
Романенко В.Н., Супранюк С.Б., Иванова Г. Г.*

Санкт-Петербург

Виктор Михайлович Бельфор уже выступал в нашем журнале. Поэтому он не нуждается в особых представлениях. Здесь профессор Бельфор предлагает заметку с некоторыми новыми идеями.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ – УЧЕНЫЙ, ИЛИ УЧЕНЫЙ - ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Как совместить преподавание как товар (оказание образовательных услуг) и преподавание как искусство передачи информации в форме, максимально приспособленной для восприятия слушателями без отторжения? С одной стороны, каждый слушатель является потребителем товара, с другой, - оценщиком подаваемого материала по критерию не противоречия совокупному лично его жизненному опыту. Кто может быть исполнителем высокого уровня в ситуации столь противоположных требований? Ведь все слушатели – очень разные личности, жизненный опыт которых может иметь существенные отличия. Поэтому уже на этапе школьного обучения учителя пытаются решать почти «вечную» задачу: как сделать урок одинаково понятным всем, в том числе отстающим ученикам, и одинаково интересным также всем, в том числе хорошо успевающим ученикам. К сожалению, большинству учителей средней школы эту задачу не удастся решить за всю их карьеру учителя. Но, к счастью, есть небольшое число учителей, которым это удается. Кто же они такие?

Известно, что предрасположенность человека работать в той или иной профессии определяется типом его психики: один – интроверт, другой – экстраверт. Интроверты склонны к индивидуальным видам деятельности: ученый, художник писатель... Встречаются, конечно, интроверты-индивидуалисты и в других профессиях, но таких немного. Экстраверты склонны к общественным, социальным видам деятельности: врач, учитель, артист, политик... Но есть и такие профессии, где требуются свойства и тех, и других. И это, прежде всего, - преподаватели и менеджеры. Ни один учитель не решит задачу, поставленную выше, если не будет сочетать свои качества экстраверта с творческим подходом, свойственным интроверту. Вот, оказывается, почему столь невелико число учителей, способных найти общий язык и с «продвинутыми» учениками, и с отстающими, а не ориентирующихся на «среднего» ученика. Аналогично обстоит дело с менеджментом: без сочетания обоих типов психики успеха не достичь. Это хорошо показал способ организации управления целыми отраслями народного хозяйства СССР в 70-х – 80-х годах XX века.

Сегодня в России почти все стало товаром. Так каким должен быть товар –

образовательные услуги? Для разных категорий потенциальных потребителей он, конечно, должен быть разным. Для учащихся средней школы он должен быть завлекательным при сохранении результатов строгих научных исследований. И здесь, по нашему убеждению, - большое поле для изобретательности учителя в «раскрашивании» программного материала и увязывании его с «текущим моментом». А для этого, как уже отмечалось, нужны свойства психики интроверта. Объяснение материала учебной программы на примерах, близких для учащихся, с тактичным использованием языка самих учащихся является творческой составляющей в работе учителя. И если наглядность примеров, понятных даже «ежику», гарантирует восприятие основного материала и отстающими учениками, то историко-научный экскурс о получении научного результата или байка из научной среды, связанная с предметом изучения, стимулирует хорошо успевающих правильно думать при поиске решений своих, якобы детских, проблем. А аналогии с похожими ситуациями в дисциплинах, кажущихся совсем далекими, могут заставить удивиться и задуматься. И еще: школьные предметы для учеников существуют каждый сам по себе, отдельно от других. А ведь всякая учебная дисциплина отражает одну из сторон многогранного общего процесса по имени **Жизнь**. Попробуйте задать вопрос на эту тему любому учащемуся школы и даже студенту старшего курса, например, технического университета. Скорее всего, ответы будут совпадать: на эту тему как-то не задумывался. А очень даже не помешало бы... Кроме того, многие события связывает хронология. Прием «а в это время в другом месте...» очень прибавляет заинтересованности и готовности принять новые сведения: ведь это так похоже на сказку из детства. Например, постоянно вызывает удивление, граничащее с изумлением, сообщение о том, что определение функциональной зависимости, которым практически мы пользуемся и сегодня, было дано Дирихле в том же году, когда умер А.С.Пушкин. (Уж про Пушкина-то мы помним крепко, ведь он – «наше все».) Попробуйте после этого забыть дату формулирования одного из фундаментальных понятий математики. Такую же оценку вызывает утверждение, что участники химических опытов, в которых из одних веществ получают новые вещества, непохожие на исходные, являются соучастниками повторного сотворения Мира, пусть и в малой его части. А что окружающий нас Мир состоит из различных веществ, - знают все без исключения. Так что формирование в сознании молодого человека целостной картины Мира, показывая его с разных сторон, - весьма непростая задача. Что касается продвижения науки силами школьных учителей, то научные исследования ведутся в области педагогики и психологии очень не многими. А у подавляющего большинства учителей на это нет ни сил, ни времени.

Казалось бы, задачи высшего образования - много проще: можно считать, что студент определился с выбором своей будущей профессиональной деятельности. Но сколько выпускников университетов работают по специальности, указанной в их дипломах? И здесь также встает комплекс вопросов социальных, экономических и, безусловно, технологических (если процесс образования рассматривать как технологию реализации

соответствующих программ с привлечением исполнителей разного уровня). Высшее образование всегда отрабатывает социальный заказ и всегда с некоторым запаздыванием. Новый заказ и возникает вследствие констатации факта «перепроизводства» специалистов по какой-либо специальности. Так, в СССР инженеров выпускалось явно больше, чем требовалось, а в последние 15 – 20 лет ВУЗы выпустили столько экономистов и юристов, что для сферы материального производства остро стало не хватать инженеров.

Когда речь заходит о переходе от среднего образования к высшему, не обойтись без оценок ЕГЭ. Всем известно куда вымощена дорога благими намерениями. И ссылка руководства страны на опыт абсолютно всех стран цивилизованного мира не является достаточно убедительной: видимо, следует перенимать не только «что», но и «как». А с последним у нас, как правило, имеются проблемы. Справедливо, на наш взгляд, и незабвенное высказывание В.С.Черномырдина насчет «хотели как лучше...». По нашему убеждению, получилась положительная обратная связь, в результате которой система может «пойти в разнос». А может быть бояться этого не следует? Ведь ФЗ «Об образовании» в редакции-2011 самим фактом наличия статей 45, 47, 48 утверждает ограниченность государственных образовательных программ и соответствующего им финансирования. Вот и возникают педагогические извращения в средней школе в погоне учителей за показателями в виде баллов ЕГЭ и, возможно, за «неправедными» доходами, а представители высшей школы в новых условиях находят лазейки в законодательстве (яркий пример – история 2011г. в московском медицинском институте). До каких «высот» может дойти такой цикл ухищрений в ущерб основной цели образования, декларированной тем же Законом, можно только фантазировать.

А пока преподаватель ВУЗа сталкивается с серьезной социальной проблемой. Дело в том, что многие студенты дневной формы обучения начиная с третьего курса предпочитают зарабатывать (часто в ущерб своему здоровью), что не может не сказаться на качестве их образования и успеваемости. Применение же статей Закона о дополнительных образовательных услугах трактуется студентами как плата за необходимые записи в их зачетных книжках. А в каком прокрустовом ложе оказывается преподаватель, если ректор в полном соответствии с Законом предупреждает деканов: вместе со списками на отчисление студентов за неуспеваемость следует приложить список на сокращение преподавателей в связи с невозможностью их содержания при объеме финансирования, пропорциональном числу студентов. Может ли такая постановка вопроса способствовать качественному образованию? В конце концов, получение высшего образования – дело добровольное. И государство гарантирует (для определенного числа студентов) возможность получить высшее образование бесплатно, но только один раз. Так надо же дорожить такой возможностью! А если в процессе учебы в университете у молодого человека сменились жизненные приоритеты, то почему «крайним» должен быть преподаватель, профессиональная честь которого не позволяет ему выпускать «брак»? Ведь его последствия имеют отдаленный характер и совсем не предсказуемы. Или все будет оправдываться человеческим фактором вместо

прямого признания недостаточного профессионализма? Известно высказывание на эту тему космонавта Г.П.Титова: «Страшнее всего троечники...».

День Города в Гатчине

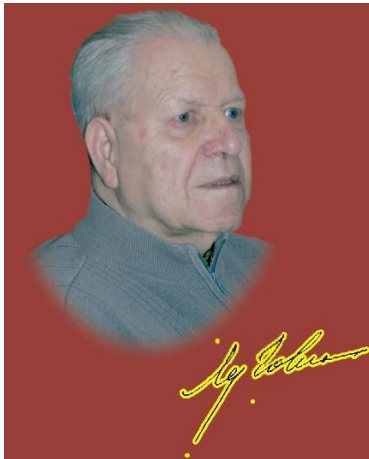
17 сентября Гатчина праздновала своё 215-летие. С размахом встретил наш город свой юбилейный день рождения. Были подарки, высокие гости, спортивный подарок городу, театрализованное шествие, великолепный концерт на площади перед дворцом, лазерное шоу и фейерверк. Студенты гатчинского филиала ИВЭСЭП приняли активное участие в праздновании.

Третья легкоатлетическая эстафета, посвященная Дню города, стартовала за час до основных праздничных торжеств, собрала 256 участников из 32 команд. Открыл эстафету Глава администрации МО «Город Гатчина» Калугин Александр Романович. Команду ИВЭСЭП представили 4 юноши и 4 девушки: Абрамова Анастасия, Улитин Артем, Нестеренко Карина, Титов Евгений, Хлыстунова Анастасия, Асташкин Роман, Малик Евгения, Волков Артем. Бежали свои этапы в 400 метров, меняясь по очереди, мужской этап и женский. Наша команда участвовала во втором забеге с командами средних специальных и высших учебных заведений. В этой эстафете мы показали хороший результат и заняли третье место в серьезной борьбе. Очень радует, что пришло много болельщиков, значит любая победа это наше общее дело. Настроение у всех было прекрасное, на подведении итогов глава города вручил нам кубок, медали и ценные подарки.

А в полдень к Кирхе на проспекте 25 Октября начали стекаться праздничные колонны, для участия в параде. Приятно отметить какой нарядной и многочисленной была колонна нашего института. Были не только сегодняшние студенты, но и выпускники гатчинских групп, и сотрудники филиала. Из нашей колонны звучали речевки: «ИВЭСЭП идет вперед! С каждым курсом больше знаний! Будущее нас зовет, мы заслужим высших званий!». С праздничной трибуны прозвучало много теплых и добрых слов о нашем филиале.

Праздник города останется в нашей памяти, как еще одно яркое событие в нашей творческой студенческой жизни.

Корчагина Екатерина экономический факультет ИВЭСЭП

Профессор Виктор Михайлович Луговской уже представлял в нашем издании свою книгу. Сегодня он выступает в качестве рассказчика. Его рассказы интересны памятью времени. Те, кто был связан с промышленностью в старые времена, хорошо узнают реальную производственную обстановку того времени.

В обстановке небывалого трудового подъема (1952)

*Листопрокатный стан 2300, восемь дней до пуска,
мастер механомонтажа*

День начинался обычными неприятностями: как всегда, с утра не было кислорода, у кого-то пропал инструмент, бригадиры по одному приходили с жалобами и одинаково сетовали на мороз, строителей и вообще “чертову жизнь”.

Печерей и Винниченко сдавали мне второй маслоподвал и, как всегда в таких случаях, были особенно приветливы. Работал я с ними третий год, знали мы друг друга как собственные карманы, но в такие дни что-то неуловимо менялось в наших отношениях.

В маслоподвал я спускался осторожно, стараясь не задеть перила и подсвечивая себе фонариком. В подвале было тепло и безлюдно, и я в который раз помянул добрым словом Николая Григорьевича.

О Николае Григорьевиче Бессмертном у нас не зря ходили легенды. Работал он в “Механомонтаже” с самого начала, специалистом был отменным и после немецкого плена и советского лагеря сумел остаться балагуром и выдумщиком, да и просто хорошим мужиком.

В начале зимы он приехал на пару дней с Урала и хмуро стоял в углу, слушая, как какое-то приезжее начальство учило меня собирать центрифугу. Наученный опытом, я молчал, а начальство, греясь у маслобака, от центрифуги перешло к общей организации работ.

Обычное отставание, которое еще не успело перейти в тоже обычную катастрофу, привычно объяснялось тем, что “...на участке нет ни наглядной агитации, ни дисциплины, третья смена до сих пор не работает...”, и обстановка накалялась так быстро, что меня спасло только присутствие духа Николая Григорьевича.

Повинуясь его повелительному взгляду и каким-то непонятым движениям правой руки, Печерей разом включил все шесть шестерных насосов и стал старательно крутить клапан маслосброса. Под сверлящий вой насосной

группы мне были неслышно обещаны какие-то неприятности, и мы остались одни.

Не глядя на меня, Николай Григорьевич выключил насосы и, как всегда, гнусава и растягивая слова, сказал Печерею:

- Что ж ты, Вась? А? Ну, он-то новый, а ты-то - первый раз, что ли?

Печерей работал с ним лет пятнадцать, еще с лагерных, конвоируемых времен, и я со своим двухлетним стажем был для них, конечно, новичком. К моему удивлению, Печерей, обычно вспыльчивый и упрямый, сглотнул слюну и сказал виновато:

- Да ладно, Николай Григорьевич, сейчас будет...

- Лампочку не забудь! - непонятно напомнил Бессмертный и, не глядя по сторонам, пошел к лестнице.

Наверху, все еще не обращая на меня внимания, он встал у входа в подвал и нетерпеливо командовал Печерею:

- Солидола больше бери, слышишь, что говорю!.. Да ты дощечку-то вытри, зачем всю бочку портить?!

Печерей, хмуро буркнув что-то, зачерпнул из бочки килограммов пять солидола и стал спускаться в подвал.

- Сверху не мажь, отступи ступеней пять, - опять забеспокоился Николай Григорьевич, но тут Печерей не выдержал:

- Да отстань ты от меня, ради бога! - с сердцем крикнул он. - Что мне без тебя, перил не вымазать, что ли?

- Ну ладно, Вась, ладно. Не сердись! Сейчас я лампу сам расколю, - неожиданно мирно сказал Николай Григорьевич и, подобрав кусок двухдюймовой трубы, полез в подвал.

Минуты через две, запыхавшийся, но удовлетворенный, он дружелюбно объяснял мне:

- К морозу-то они непривычны, пролетная труба вон как дует, вот и ищут, где бы погреться. А в подвалах-то благодать, масло - градусов пятьдесят, ветра нет - вот и лезут. А уж раз пришли, то непорядки ищут. Я у себя только тем и спасаюсь, что лампу на лестнице разобью да перила солидолом намажу... Он поначалу сунется, руку вымажет, а пальто-то габардиновые у них, жалко. Обругает и уйдет. И тут теперь никто не полезет - спокойно жить будешь, это я тебе, Вить, точно говорю!

В таких вещах он не ошибался, и вот уже третий месяц мы живем без руководящих визитеров. Пару раз заходил начальник комплекса, но его посещения раздражения не вызывали, хотя последнее стоило мне половины месячной премии. Управляющий большого строительного треста, он знал, о чем говорить на площадке, и был беспощаден и заботлив, как хороший боевой генерал. Все девчонки из штаба строительства были немножко влюблены в него.

За маслобаком, положив под спину ватник, дремал полулежа Володька Кротов. В ночную смену он гонял систему и решил, наверное, остаться на сдачу. Вслед за мною в подвал спустились Винниченко с Печереем, и мы развернули ветхие, наизусть знакомые чертежи.

Часа через два, полазив для проформы по траншеям и заставив Володьку сменить прокладку, я подписал акт приемки. Оба бригадира были надежными людьми, и торжественная процедура приемки была больше данью традиции.

Моя подпись, видимо, разорвала мешок с неприятностями, так как они посыпались, не дав мне выйти наверх. Динамик селекторной связи вдруг ожил, и раздался озабоченный Нинин голос:

- Луговского срочно в комнату оперативных совещаний, повторяю, Луговского срочно в комнату оперативных совещаний.

Со мной такого еще не было, а опыт других не сулил ничего хорошего. Бригадиры молча переглянулись, и Печерей заботливо толкнул меня к выходу.

- Иди скорее, а то еще хуже, - не очень связно посоветовал он, и я выскочил наверх.

Пока бежал по цеху, динамики дважды повторили мою фамилию, и в комнату оперативок я влетел, порядочно обеспокоенный.

Совещание кончилось минут десять назад, начальники монтажных управлений разошлись, но тяжелое облако табачного дыма еще висело над длинным столом. За столом сидело трое: начальник комплекса, наш главный инженер и какой-то незнакомый с седой головой и тяжелым взглядом. Все трое смотрели на меня.

- Кто монтировал систему смазки двигателя 4000 киловатт? - неожиданно спросил начальник комплекса, и наш главный стал смотреть куда-то в сторону.

Незнакомый взял со стола папку и стал ее перелистывать.

- Систему машзала монтировал мой участок, конкретно, бригады Винниченко и Печерея. Позавчера электрики приняли ее и уже второй день крутят четырехтысячник, - немного удивляясь, сказал я. Главный знал все это сам, и гнать меня через весь цех вроде бы было ни к чему.

- Крутили, - сказал седой, не отрываясь от папки. - Кто поставил Печерея на эту работу? С Особым согласовано?

Я немного обалдел и молча смотрел на него. Согласовывать со спецотделом расстановку бригад - о таком я слышал первый раз.

- Сегодня ночью сгорел коренной подшипник четырехтысячника, на валу задиры миллиметров по двадцать глубиной, надо перетачивать, - сказал главный, и мне впервые стало страшно.

До последнего, установленного месяц назад, срока пуска оставалось восемь дней, представители ЦК, обкома и три замминистра уже неделю сидели в цеху, стан будет катать бортовую броню, вчера, после звонка из Кремля, у начальника комплекса был сердечный приступ - все это вспомнилось как-то сразу, и я почувствовал, что бледнею.

Листопрокатный стан 2300, восемь дней до пуска,
начальник комплекса.

Часов в пять проснулся от удушья - опять сердце. Неудивительно...

Таня дала какие-то капли, но уснуть так и не удалось. Как всегда ночью, закружился хоровод дел, обрывков мыслей, чьи-то слова, взгляды, намеки...

Ночная безысходность легла на душу, я встал и долго курил в кухне под форточкой. Постепенно прояснилось, сон и страхи отошли, и я смог спокойно вспомнить вчерашнее. Главное, конечно, это четырехтысячник и звонок из промышленного отдела. Об аварии там уже знали и, как я понял, испугались не меньше нас.

Ротор весит двадцать тонн, понятно, что двумя днями не обойдешься, а на самом верху что-то слишком часто вспоминают о цехе.

“Ротор сегодня же надо закрыть,” - в десятый раз подумалось мне, и стало еще хуже: вспомнил трясущиеся пальцы Кузьмина. Он для меня был чем-то вроде стандарта на самообладание - как ни бросало его “Электромонтаж”, всегда был спокоен. И никакого сезама не знал - просто деловой мужик и умел найти выход.

А тут...

Ну ладно, снять ротор - это смена, погрузить на платформу и отогнать на станцию - тоже часов шесть, а вот дальше начинается неизвестное... МПС не прошибешь - могут неделю держать на станции, им теперь и обком не указ. Можно взять транспортер на станкостроительном, да буксировать-то придется трактором. Восемь километров в час - это двое суток только до Харькова. Да, делом не закрыть, Кузьмин понял это первым, он всегда быстро ориентируется. Ах, собака, как подсадил:

“Машзал не охраняется, монтажная площадка вообще - проходной двор, четыре раза писал докладные начальнику комплекса, и все без толку. А теперь в подшипнике песок”.

Он-то, можно сказать, теперь наполовину чист - наверно, и копии докладных подготовил. Да, диверсия - это для него спасение. А для меня? Может, и для меня спасение?

И тут на меня снизошло... Ведь еще неделю назад на городском партактиве я докладывал о ходе монтажа и четверть часа доказывал, что без нормальной охраны мы пропадем. И только сейчас вспомнил!

То-то Кузьмин, умница, все на меня посматривал: “Что ж ты молчишь, начальник комплекса?” А я-то, я-то, дурак, только сейчас понял, что он ведь меня, меня спасал... Ну ладно, об этом потом, у него тоже рыльце в пушку, ему тоже нужна помощь, я с ним расплачусь, а тут понять надо, как вести дело дальше.

Я почувствовал, что уже совсем пришел в норму, и выбросил папиросу в мусоропровод. Таня, заботливая душа, вздохнула в спальне. Она по этой крышке мусоропровода отлично ориентируется. Эх, Таня, Таня, плохо что-то у нас с тобою... Да нет, об этом потом, потом, сейчас надо уцелеть.

Пока завтракал и ехал на завод, в голове стучало: “Диверсия, диверсия...”, но уже в проходной начались сомнения.

“А чего я так испугался? Звонка из промышленного отдела? Так они сами боятся, им не меньше меня надо все уладить. Надо только дать им возможность помочь... А если решат, что диверсия...”

Я представил себе, как на площадке появятся “визитеры”, как со стройки начнут исчезать люди, и никто не будет знать, доберутся ли до него... Нет, не

надо, я просто распустил нервы; сейчас позову Кузьмина и посмотрим, что можно сделать без госбезопасности. Этот дух легко вызвать, только потом он тебя самого загонит в бутылку.

Но кто-то уже решил без меня - на столе в кабинете лежала записка ночного диспетчера: “В 7.43 звонили от Сафонова. Он ждет Вас к 9.30”. Начальник Областного Управления; шептали даже, что личный друг Берии...

Я заперся в кабинете и старался успокоить нервы. Советоваться с Кузьминым, бояться неприятностей - все это было за чертой, проведенной этой запиской. Началось, и началось с меня.

Но, как обычно, после первой волны я как-то собрался и, получая пропуск в Управление, был уже почти спокоен. И, как всегда бывает в этой проклятой жизни, нервы свои я жег напрасно. В кабинете Сафонова сидело все руководство стройкой, и видно было, что ждут еще многих.

Все страхи оказались напрасными - Сафонов даже не слышал об аварии, зато мое выступление на активе цитировал часто и, как я понял, именно это было причиной собрания. Видимо, Управление решило принять участие в стройке - стало видно, что все неприятности позади, а впереди пуск и награды...

И на старуху проруха... Теперь они уже обязаны начать расследование, и я не знал - смеяться или плакать, представляя, как сейчас вскинется Сафонов. Прокол, типичный прокол, его люди явно недоглядели. Ему сейчас от такого совещания надо быть за сто верст...

А дальше все пошло быстро - авария всплыла сама собою; ни я, ни Кузьмин не успели ничего сказать, как туповатый и исполнительный начальник УКСа решил сыграть в руку Сафонову. Надо прямо сказать, нервы у того действительно хорошие - не показал, что ничего не знает, быстро закруглил, назначил от Управления ответственных за охрану и попросил меня (“Сергей Юрьевич, если у вас есть время, задержитесь на полчаса. Без начальника комплекса нам ведь не разобраться...”), начальника УКСа, Кузьмина и главного инженера механомонтажников остаться у него.

Подошли два каких-то подполковника, и разговор пошел уже только о том, как можно было сжечь подшипник. Никаких вариантов, кроме диверсии, Сафонов и не обсуждал.

Второй маслоподвал всплыл на третьей минуте, и главный инженер побледнел. “Кадры у вас там разные, - кинул ему Сафонов, - следить надо, кого куда ставите. Каждый третий из лагеря...” - и через пять минут мы уже ехали на площадку. От Управления должны были подъехать после оперативки, а нам надо было “продумать, как вытащить цех из прорыва”, как нам заявил Сафонов. Было ясно, что платить за все придется “Механомонтажу”, и, как все понимали, главный инженер уже выбирал кандидатуры на заклятие.

Оперативка прошла быстрее обычного, мне было не до совещаний, да и остальные что-то прочувствовали, так что особенной ругани не было, и все разошлись через полчаса. Один из подполковников Сафонова, уже в штатском, с папкой в руках, зашел минут за пять до конца и присел в углу, оглядываясь по сторонам.

- Мы просмотрели свои материалы, - сказал он, когда все разошлись и мы

остались вдвоем. - Предположение о возможной диверсии теперь уже не представляется таким маловероятным, как два часа назад. По крайней мере двое из работавших на площадке представляются нам более чем подозрительными. Первый - это бригадир "Механомонтажа" Печерей, арестованный в 1938 году вместе с отцом, скрытым подкулачником, который умер в лагере. Сам Печерей в сорок первом ушел в штрафбат, под Киевом попал в плен, после освобождения не прошел фильтрационную комиссию и был направлен в трудовой лагерь. Освобожден в 1949 и с тех пор работает в "Механомонтаже". По нашей линии за ним пока ничего нет, но вот теперь... Второй - старший мастер "Проммеханизации" Александров, из кулацкой семьи, арестован со всеми родственниками в 1935 году, вышел из лагеря в 1947 году. Но он, как мне кажется, вне подозрений, так как вторую неделю в отъезде. Сейчас проверяем в Курске, куда он выехал, был ли он там или выезжал, с кем контактировал и так далее, но вроде с ним все в порядке.

Я слушал и думал, что машина закрутилась - этот Печерей для Сафонова находка, и его уже ничего не спасет, а вот кто и сколько пойдет за ним - этого сейчас никто не скажет. Надо звать Аверкиева, пусть он, как главный инженер, объяснит, кого и почему в "Механомонтаже" берут на работу.

Страх у меня прошел, осталось какое-то одеревенение и для самого себя неожиданное равнодушие.

Когда Аверкиев, побледневший и растерянный, сообщил, что Печерей монтировал систему смазки четырехтысячника, подполковник встал и, подойдя к телефону, сказал мне каким-то новым голосом:

- Вызовите мастера, у которого работал Печерей, а Печерея... - он пожал плечами и стал набирать номер.

Листопрокатный стан 2300, восемь дней до пуска,
мастер механомонтажа

Я почувствовал, что бледнею, посмотрел на Аверкиева и спросил:

- А как же пуск?

Спросил и понял, что говорю глупости.

Начальник комплекса глянул в мою сторону и спросил:

- Слышали, что с четырехтысячником? Как там ваша смазка песка нанесла? Полный подшипник, горстями вынимали...

Я был уже не такой зеленый, как два года назад, и понимал, что здесь доказывать ничего нельзя, но эти "горсти" меня добились. Не торопясь и, как мне казалось, очень спокойно я подробно рассказал об очистке труб, многодневной промывке магистралей, о трех промежуточных приемках на чистоту и, наконец, считая, что сомнений уже быть не может, добавил на всякий случай:

- И потом... на подшипнике стоит игольчатый маслопроток. Он дает струйку масла толщиной в спичку, и ее видно через стекло. Как же песок прошел через это иголье ушко?

Я был спокоен, но голос у меня прервался, и тут седой, глядя в сторону, сказал Аверкиеву:

- Всю документацию по сдачам системы передайте мне, мастер больше не

нужен, пусть идет и работает.

Сказал он это негромко и спокойно, но так, что я повернулся и, хлопнув дверью, вышел из комнаты, не слушая, что мне вслед говорил Аверкиев.

В маслоподвале обе бригады сидели и обсуждали что-то. Когда я вошел, все замолчали и с ожиданием посмотрели на меня.

- Ночью сгорел вкладыш четырехтысячника... - начал я, но мне не дали закончить и, перебивая друг друга, начали пересказывать последние новости.

Печерея только что срочно вызвали в бухгалтерию, а Винниченко, как всегда, помалкивал, так что мне не сразу удалось разобраться. В пересказе дело выглядело просто: прошлой ночью запустили четырехтысячник, и полсмены он тянул как часы. Но, как Володька узнал по секрету, электромонтажники перед пуском чистили вал и забыли пемзу в маслокармане. На пятом часу ее затянуло в подшипник, двигатель затрясло, да так, что отлетели замки кожуха и сразу выбило защиту. Стали разбирать, а центральный подшипник-то - в ключья.

- Говорят, что это мы затащили песок, - подкинул я, но меня подняли на смех, и даже Винниченко начал что-то объяснять.

Захрипел динамик, и незнакомый голос произнес, тщательно выговаривая слова:

- Луговскому срочно зайти в бухгалтерию, Луговскому срочно зайти....

- Что они, взбесились, что ли?! И тебя тоже... - удивился Винниченко, и я пошел к выходу...

Насосно-аккумуляторная (1955)

Под столом тихо гудит самодельный электрокамин, но в моей конторке из листовой стали стены не держат тепла - у пола те же минус двадцать, что и в цеху. Ватник греет спину, но ноги мерзнут, и я стараюсь подсунуть их поближе к красным спиралям камина. Полуживое кресло - наследство от строителей - скрипит и давит в бока ржавыми пружинами.

Я борюсь со сном и стараюсь думать о завтрашнем дне. Но ночь и холод берут свое, и я то и дело проваливаюсь в дремоту. Хорошо бы уйти домой и хоть раз в неделю выспаться по-настоящему, но уйти нельзя: утром надо опробовать пресс, и никто, кроме меня, сегодня не будет закрывать гидробаллоны.

Дело это нехитрое, и будь у нас хоть пара дней - спал бы я в своем общежитии, а Бухиник, как всегда, не торопясь и жалуясь на беспорядки, готовил бы гидроаккумуляторную к пуску. Но замминистра приезжает завтра, и ему надо показать работающий пресс. То, что я задумал, позволит все сделать за час, но...

Бухиник прямо сказал: "Да пусть хоть два министра едут - в тюрьму не хочу и тебе, Витя, не советую", а Халдин долго смотрел на меня, что-то прикидывал в уме, и, взявшись за сердце, молча вышел из моей конторки.

- Во, видал?!.. Болеть пошел! У него всегда с сердцем плохо, когда есть на кого свалить... - чему-то обрадовался Бухиник и надолго умолк, глядя в

забранное решеткой окно.

То, что Халдин ушел, сделав вид, что ничего не слышал, - понятно. Он главный инженер и за такие предложения должен просто выгнать меня с монтажной площадки... Но завтра здесь будет Красноженов, а тот любит, оберегая себя, ломать чужие жизни. Благо средств у него для этого много.

Бухиник не хочет рисковать - ему это ничего не дает, а я... Я был горд своей дурацкой выдумкой и не мог удержаться от искушения.

“Знаешь, Сергеич, - сказал я тогда Бухинику - ты подготовь к ночи баллоны и насосы - я все сам закрою; тебя и не будет на площадке, чего ты боишься... Да и вообще, чего тут думать - пять минут страха, и все готово.”

Он больше ничего не говорит, смотрит куда-то над моей головой и выходит, поглубже надвинув шапку.

Все - теперь не передумаешь - надо делать...

Это было в конце дня, а сейчас я жду, когда Сашка Котов из бригады Сергеича скажет мне, что все готово.

Он-то не уйдет, как умудренный жизнью Бухиник, он любит пробовать себя страхом, и мне легче думать о том, что предстоит этой ночью, когда я вспоминаю его злодейские бачки и усики.

Дремота путает мысли, и я, уже не сопротивляясь, проваливаюсь в сон.

Через полчаса меня будит осторожный толчок в плечо, и мы с Сашкой идем через непривычно тихий ночной цех. В других СМУ знают, что у нас провал и из насосно-аккумуляторной мы будем выбираться дня три. Сегодня ночью можно дать отдохнуть измученным людям - завтра на арене будет “Механомонтаж”, а приезшему начальству обычно достаточно одного скальпа.

Откровенная радость “соседей”, которую они на последней оперативке и не скрывали, поднимает у меня шерсть на загривке.

- Ладно, - думаю я, заходя в тихий и теплый зал насосно-аккумуляторной, - завтра я посмотрю на вашу радость...

В зале полумрак, но я привычно различаю приземистые кубики шести насосов и девять аккумуляторных баллонов вдоль противоположной стены. Полуметрового диаметра, черные и блестящие, они вытянулись под потолок, и на пятиметровой высоте вокруг их верхних торцов можно различить легкое кружево подмосток и перил.

Мы включили свет и поднялись на подмости: крышки были уже установлены и слегка притянуты здоровенными болтами. Теперь надо было затянуть болты так, чтобы сплющилась толстая медная прокладка между крышкой и горловиной баллона: крышка, при этом, как говорят, “уплотнится”, и даже сотни атмосфер рабочего давления не смогут продавить ни капли воды через стык.

По нашим нормам, чтобы закрыть баллон, полагается полсмены, и только мы знаем, какая это мука - затянуть такой болт. Говорят, что есть гидравлические ключи для огромных, величиной в хорошую шляпу, гаек, но у нас - только “понедельник”, и махать этой полупудовой кувалдой приходится часами.

Но есть и другой способ - заманчивый и опасный, как прыжок с трамплина. Крышка баллона лежит не сверху, как положено нормальным крышкам, а внутри баллона, чтобы многотонное давление прижимало, а не отрывало ее от горловины. И если начать качать воду в полный баллон и подавать ее больше, чем будет хлестать из щелей вокруг крышки, то давление в баллоне стремительно вырастет и плотно прижмет крышку, раздавив прокладку. Теперь достаточно просто подкрутить гайки, и баллон будет закрыт намертво. Но... давление растет так быстро, что если вдруг не сработает предохранительный клапан (а такое бывает), то ты не успеешь выключить насосы, и оно мгновенно проскочит те безопасные пятьсот-шестьсот атмосфер, которые еще могут выдержать баллоны... Бывалые люди говорят, что если взрывается кислородный баллон, то разносит все вокруг, как противопехотная мина, а он всего полутора метров длиной и его можно обхватить двумя ладонями...

Но к одному насосу я подключил клапаны от всех шести насосов - хоть один да сработает, Сашка получил приказ обесточить зал, как только стрелки манометров полезут вверх, а я... я буду ждать...

Все получилось легко и красиво - на двухстах атмосферах загудели сразу два клапана, и Сашка даже не стал вырубать напряжение, а я подхватил тяжеленный ключ и полез подтягивать болты. Потом мы ворохом ветоши вытирали горловины, сбрасывали и опять поднимали давление - проверяли герметичность горловин, - и когда стало ясно, что все в порядке, Сашка пошел звонить Бухинику, а я уснул, присев у теплого калорифера.

Ребята пришли из общежития через час, и к шести утра насосно-аккумуляторная была готова к работе. Бригада была довольна - я за час отработал им недельную зарплату, но Бухиник прячет взгляд и что-то бурчит под нос.

В столовой мы сидим рядом, он молча ест и только под конец поднимает глаза от тарелки, смотрит на меня исподлобья и говорит совсем не к месту:

- Ты думаешь, тебе простят?... - не договаривает, отодвигает стул и уходит.

Обычно я прислушиваюсь к Сергеичу, но сегодня, ликуя и ожидая похвал, я не вдумываюсь в его слова и не торопясь иду на утреннюю оперативку.

В комнате оперативных совещаний наша секретарша Леночка, которая, видимо, давно дожидалась меня, передает записку и убегает. Володя Толчинский, который в Баумановском был на курс младше меня, а теперь начальствует в здешнем управлении "Механомонтажа", просит отсидеть за него "эту оперетту". По протоколу вроде все в порядке - я по должности заместитель начальника монтажного отдела московского треста и могу представлять трест, а не только местное управление, но сегодня мы на коне, и Володя с него добровольно никогда бы не слез. Да и Халдин здесь, он главный инженер треста, я просто не могу в его присутствии представлять управление. Я вспомнил слова Бухиника и, обеспокоенный, стал читать дальше. Оказывается, Халдин заболел, у него сердечный приступ, врач на неделю уложила его в

кровать. Этот врач - давняя приятельница Володи - как-то пыталась уложить в кровать и меня, но я пьянею медленно, и ей пришлось переключиться на своего старого друга.

Значит, Халдин тоже убежал... Что за чудеса, что происходит?!

Вошел Халецкий, и разговоры прекратились - как начальник комплекса он обычно вел оперативку.

- Товарищи, - сказал Халецкий, открывая папку старых протоколов, - давайте быстренько рассмотрим взаимные претензии. Есть одно неприятное дело, его надо решить до обеда. Красноженов уже в обкоме, он звонил и назначил свою оперативку на пятнадцать ноль-ноль. Мы должны сначала разобраться сами... Сидоров здесь?

- Я здесь, Григорий Аркадьевич, и не один, не беспокойтесь, - послышался от стены знакомый хриплый голос.

Я оглянулся и ряда через два увидел колоритную пару: Иван Алексеевич Сидоров, уполномоченный Котлонадзора по Челябинской области, огромный краснорожий мужик с титаническим животом, выпиравшим из потертого кожаного пальто, и Валька Кривонос, следователь районной прокуратуры, бесцветный человечек в форменной шинели и с портфелем на коленях.

Я знал их обоих, и знал не понаслышке.

Без визы уполномоченного Котлонадзора ни одно подъемное устройство и ни один крупный баллон высокого давления на территории СССР не могли быть приняты в эксплуатацию, и за нарушение этого правила можно было получить до трех лет.

А так как современный завод - это сплошь подъемные краны и пневматика с гидравликой, то в промышленных регионах уполномоченные Котлонадзора жили как боги. На партийном учете они состояли у себя в московской конторе, и если бы не брали взяток и хотя бы изредка бывали трезвыми, то и обком им был бы не указ. Наши ветераны, правда, утверждали, что среди этих уполномоченных было когда-то двое непьющих, и даже называли фамилии, но им никто не верил, как обычно не верят в сказки очевидцев. И хотя поборы уполномоченных держались обычно на умеренном райкомовском уровне и они исправно делились с местным начальством, в обкомах по каким-то неведомым аппаратным причинам их не любили и не считали "своими". Поэтому цикл "назначение - царствование - суд" для среднего уполномоченного занимал 5-6 лет, и на этом фоне Иван Алексеевич был явлением загадочным. Требовал он не только мзду, но и почет, грубил секретарю по промышленности, а с областным прокурором ездил охотиться на заповедных сайгаков. О причинах его неуязвимости ходили самые дикие слухи, и, несмотря на всеобщую ненависть, он сидел на своем месте уже двенадцатый год.

Как-то складывалось так, что на Урале я монтировал то краны, то гидравлику, но с Сидоровым не пересекался ни разу, так как уже три раза перед сдачей оборудования то меня, то его вызывали в Москву.

И вот сегодня встретились...

Валька Кривонос начал свою карьеру адвокатом в Магнитке и через год

чуть не сел, так как его клиент решил расплатиться с ним племянницей, а что ей еще не было шестнадцати, Валька узнал, когда она стала тянуть с него деньги. По слухам, Валька сначала ей что-то заплатил, но потом перешел следователем в прокуратуру и так надавил на дядю, что тот принес все деньги с приплатой. Человек он был мерзкий и внешне и внутренне, и в прокуратуре его использовали для самых грязных дел. Я с ним познакомился, вытаскивая из пьяной драки в магнитогорском аэропорту, и пока вез его на своем “газике” в город, он, размазывая кровь и сопли, клялся мне в любви и обещал защиту закона.

При встречах со мной лез обниматься и жал руку потными ладонями, благодарно заглядывая в глаза. Я понимал, что это доброе дело не останется безнаказанным, и по возможности избегал его.

“Гидроаккумуляторная, Сидоров, прокуратура, Красноженов” - я понял расклад, и, честно говоря, стало страшно.

Вспомнил Бухиника, и стало совсем плохо: его-то и фронт и восемь лет лагерей научили чутко беду загодя, а у меня все романтика в заднем проходе...

Ясно было, что тут готовится - у Халецкого полный провал, половина фундаментов не подсыпана, с подливкой установленного оборудования совсем беда - авария на бетонном заводе, у электриков еще хуже - работ месяца на два, а правительственный срок - через две недели... Думали, подсунут “Механомонтаж” как джокера - благо мы из другого министерства, а тут я вылез со своим трудовым героизмом. Спасти их может только большой скандал, чтобы отвлечь внимание, чтобы можно было подсунуть Красноженову что-нибудь вместо насосно-аккумуляторной... Он клюнет наверняка - я из чужого министерства.

Но вот Халдин-то что ж уполз: ведь я - это наш трест. Хотя тут тоже ясно: по делу все в порядке, он чист, а то, что я попался - даже хорошо. Василий Иванович, хоть и главный инженер и нам до его административного Олимпа неблизко, любит укорачивать молодых и быстрорастущих. Сказывается партаппаратная закалка... там его как раз зубастенькие юноши съели.

Эх, черт, как подставился! Сгорела моя командировка в Венгрию...

Халдин сам хотел годик отдохнуть в Сталинвароше от нашей беготни, но там, на мое счастье, подходило время пуска, и, как обычно, при избытке руководителей остро не хватало работников. Поэтому Василию Ивановичу дали понять, что партии он нужнее в Москве, а я, вздрагивая при мысли о том, как он меня теперь любит, начал оформлять документы.

Теперь он будет смотреть, как прокуратура начнет мотать мне дело, и, грустно качая головой, говорить во всех инстанциях:

- Да, парень-то он неплохой, но видали, что отмочил?!

Отмыться-то я отмоюсь, но полгода писать и оправдываться придется. А Сталинварош-то - тью-тью.... Худо. Непонятно, откуда так быстро пронюхали: неужели Халдин?..

Пока я терзал себя воспоминаниями и прогнозами, Халецкий успел сообщить, что “Механомонтаж” опять пошел на нарушение законов, и терпение, наконец, кончилось - надо принимать меры, чтобы предотвратить

аварии и жертвы. Сидоров, скорбно глядя в пол и вздрагивая брюхом, сказал, что он передал дело в прокуратуру, а Кривонос немного визгливым, но вполне официальным голосом сообщил, что у него с собою постановление прокурора о возбуждении уголовного дела.

Я уже начал плыть, как плывешь на ринге, съев хорошую стукушку, и, если бы не эта гнусь, растерялся бы совсем. Но не зря Вальку держали на далеких прокурорских задворках - дураком он был выдающимся и своим идиотским ляпом вернул меня в строй.

- Валя, - сказал я по возможности бархатно. - Ваша контора открывается только через полчаса. Ты что, постановление вчера писал, сквозь время проникая ?

Оперативка дружно грохнула хохотом, а меня понесло.

Со мной так бывало: стоишь в углу ринга, и муторно тебе, и зябко, но вот гонг, вышел на середину - его удар, твой ответ, и опять ноги легкие, руки идут сами, и все успеваешь - даже вспомнить советы тренера.

Я и здесь вспомнил главное и, ругая себя за тупость, мысленно благодарил Бухиника. Ну что за молодец Сергеич, как он все наперед видит и знает!

Два года назад, когда пускали в Жданове пятнадцатитысячный пресс, кто-то предложил закручивать гайки баллонов пятитонным домкратом. Попробовали, вроде получилось не хуже, чем кувалдой, наш техотдел связался с Котлонадзором, утвердил там новую технологию, разослали приспособления и документацию по управлениям, но так как заниматься этим специально никому не хотелось, то про эту историю все забыли. Когда Сергеич пришел утром в насосно-аккумуляторную, он зачем-то притащил с собой этот несчастный домкрат и сунул его за баллоны. Я еще улыбнулся про себя: "После драки...", улыбнулся и забыл про домкрат.

Забыл, а сейчас вспомнил. Вспомнил и успокоился - все в порядке, надо только на оперативку к Красноженову принести документацию с визами Котлонадзора. А тут пусть шумят - баллоны я закрыл домкратом, вон он лежит в аккумуляторной.

Ах, как ты меня выручил, Сергеич!

Я встал и, выдержав паузу, сказал Халецкому:

- Вы знаете, что "Механомонтаж" никогда не позволяет себе отклонений от утвержденных технологий. Происходящее мне непонятно, и я в нем участвовать не буду. Напоминаю, что ваш Фундаментстрой срывает плановые сроки прокрутки линии прессы. Мы готовы, а оборудование не подлито.

Сказал и ушел в цех, не слушая удивленного Халецкого, который возмущенно кричал мне что-то в спину.

Еще более обострилась и так непростая ситуация, но было мучительно стыдно за свой испуг, и я шел к прессовому участку, через силу насвистывая "Кукарачу" и старательно улыбаясь беззаботной улыбкой.

Я шел вроде совсем спокойный и даже веселый, но вечером Нина, диспетчер Халецкого и мой верный, заботливый друг, сказала, улыбаясь сквозь слезы:

- Видела я, как ты с той оперативки шел... Хотела подойти, да у тебя лицо такое было, что я испугалась....

У пресса бригады Бухиника и Антонова дотягивали последние гайки. Бригадиры сидели в насосно-аккумуляторной и, положив на стол дежурного какой-то чертеж, водили по нему пальцами. Маленький чернявый Антонов нетерпеливо хлопнул ладонью по чертежу и, подняв голову, радостно замахал мне рукой. Я подошел к ним и сказал, с радостью чувствуя, как пропадает комок в горле:

- Спасибо, Сергеич, спас ты меня, да и всех нас... Как же ты все наперед знаешь?

Антонов удивленно глянул на нас, но, чуткий человек, поняв, что мне сейчас не до чертежей, молча пошел в цех.

Бухиник сдвинул на затылок свою бесформенную ушанку и сказал, глядя в стол:

- Поживи с мое - еще умнее будешь... - и, явно уходя от благодарностей, спросил: - Будем сейчас пресс толкать или хочешь позднее ?

- Давай сейчас, к трем часам он всю ходить должен. В три часа Красноженов оперативку вести будет - пусть пресс пошумит немного...

Мы вышли в цех и втроем с Антоновым полезли под пресс.

Через два часа он уже давал свои двенадцать тысяч тонн, и до трех часов мы даже успели отштамповать три трубные заготовки.

Я со своими спасительными бумагами пришел на оперативку минут за десять до начала и с удивлением увидел, что Володя Толчинский сидит на своем обычном месте недалеко от полированного стола Халецкого. Гроза вроде прошла, пресс работал, и он решил не пропускать дивиденды. Халдина не было, и это меня обрадовало: я здесь сейчас старший представитель треста и могу говорить от его имени. А то ведь домкраты мои Халдин мог бы убить одной фразой:

- Попробовали, утвердили. Потом разобрались и запретили к использованию.

И все - потом доказывай, что никто не запрещал... Тень Сталинвароша лежала на наших отношениях, и я не сомневался в том, что он использовал бы этот расклад.

Как всегда, перед встречей с Красноженовым все были молчаливы, и в воздухе висело ожидание неприятностей.

Владимир Иванович Красноженов был заместителем министра строительства предприятий тяжелой промышленности уже пять лет и вел металлургию и химию. Высокий, немного грузноватый мужчина лет сорока пяти, он часто бывал на наших стройках, и каждое его посещение по свирепости, бессмысленности и разрушительным последствиям напоминало обвал в горах. Инженер он был никакой, в кресло свое попал с партработы и, видимо, имел родственника где-то высоко, так как сидел очень прочно, несмотря на частые административные ляпы. Приезжал он обычно дня на два, проводил одну-две оперативки, на которых снимал кого-нибудь с должности и, разослав с десятков телеграмм с грифом "правительственная", уезжал в Москву.

Недели две после его посещения стройку лихорадило, так как по телеграммам приезжало еще несколько контролеров более низкого уровня, и совещания на стройке и в горкоме шли через день. А так как главные наши болезни - нереальные планы и плохое снабжение - лечению не поддавались, то постепенно все успокаивалось и шло обычным путем.

Красноженов задержался минут на пятнадцать, и, открывая совещание, сказал свою обычную вступительную фразу:

- Я сюда приехал не для того, чтобы разбираться за вас в технических вопросах. За это вам деньги платят. Сроки сорваны, и я должен найти, кто в этом виноват. Вот зачем я здесь.

Он оглядел присутствующих и неожиданно спросил:

- А где Халдин? Ему что, не сказали, что я приехал?

Я молчал, а Толчинский встал и сказал, глядя в сторону:

- У него сердечный приступ, Владимир Иванович. У нас тут неприятность вышла...

Красноженов как-то странно посмотрел на него, помолчал и, переложив зачем-то свою роскошную кожаную папку, сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

- Через пятнадцать минут он должен быть здесь. Хоть в “Скорой помощи”. Я ему сердечный приступ здесь вылечу. А найти его можно в “Южном Урале” - полчаса назад он там солянку ел. А сейчас, наверно, пиво пьет.

Все оцепенели, а Володька на цыпочках кинулся к двери. “Механомонтаж” не подчинился Красноженову, мы были из другого министерства, очень гордились своей экстерриториальностью, и такие плюхи начальство наше получать не привыкло. Черт возьми, опять какая-то драка у подножья Олимпа...

Помолчав, Красноженов сказал, обращаясь к Халецкому, который сидел рядом и, как видно, был удивлен не меньше нас:

- Григорий Аркадьевич, вы меня в курс дел уже ввели, давайте пройдем по площадке. Посмотрим, как оно в натуре. А Халдин пока подъедет, и тогда будем продолжать.

По цеху мы ходили с полчаса, и из них минут пятнадцать Красноженов простоял у пресса. Ребята не подвели, и, мне кажется, все любовались моим многотонным красавцем. Метра четыре высотой, продолговатый, сверкающий шлифованными боками штампа, он был покрашен в голубой цвет и напоминал мне двухэтажный прогулочный кораблик, который каким-то чудом попал из Москвы-реки в наш цех. Автоматика еще не работала, и за пультом управления сидел сам Антонов. Он был хорошо виден через стеклянные стены поста управления, и даже его промасленный ватник и лохматая ушанка как-то соответствовали ситуации.

Цех начинал жить, и возле пресса это чувствовалось особенно четко.

Мы подошли, когда загружалась очередная заготовка - было видно, как Антонов нажал большую зеленую кнопку, и маслянисто поблескивающая

штанга толкателя загнала двенадцатиметровый короб заготовки в штамп. Бухиник с Сашкой Котовым с двух концов прессы проверили, как заготовка улеглась в штамп, почти одновременно махнули Антонову и отскочили от прессы.

- Кто здесь от “Механомонтажа”? - спросил Красноженов.

- Я - Луговской Виктор Михайлович, замначальника монтажного отдела треста, здесь являюсь постоянным представителем треста и руковожу монтажом участка прессов.

Красноженов быстро взглянул на меня, явно желая что-то спросить, но промолчал и повернулся к прессу.

- Почему работаете без автоматики, зачем люди лезут в штамп? - бросил он мне через плечо.

- Автоматика еще не смонтирована, я не могу ждать месяц, пока ее пустят, - я понимал, что зарываюсь, что тычу замминистра в прорехи его министерства, но со Сталинварошем я уже попрощался и ни министров, ни прокуратуры уже не опасался: из партии меня не исключат - я сумел остаться беспартийным, а если выгонят с работы, то это будет такой Юрьев день, что друзья неделю будут пить на мои деньги. Я уже трижды пробовал уйти, и трижды мне грозили указом сорокового года - от трех лет за самовольное увольнение.

Красноженов явно хочет меня оборвать, но верхний полуштамп уже надавил на заготовку, и в скрежете формуемого листа я все равно ничего не услышу. Он отворачивается от прессы и, что-то кинув Халецкому, идет назад к бытовкам. По дороге нас догоняют Толчинский и Халдин и осторожно пристраиваются к хвосту процессии. Халдин явно растерян, а Володька - “внук раввина и сын аптекаря”, как он любит представляться, и командир батальона у Баграмяна, как я знаю из его личного дела, - идет спокойно, и мне это понятно: драка идет над его головой, и он в нее влезать явно не будет.

Мы опять рассаживаемся в комнате оперативок, и я с удивлением вижу Нину со стенографическим блокнотом за столом около Халецкого.

Вот даже как! Будем говорить под стенограмму...

Это бывает не часто, я опять начинаю беспокоиться, но тут вспоминаю, как говорил мой старый тренер:

- Когда ты в углу - не бойся неожиданности, хуже будет только на полу, - и всегда добавлял: - Но ты сразу в неожиданность не верь, ты ее пожуй немного... если время будет.

Время у меня есть, на пол меня не кинут, и я опять беру себя в руки.

Красноженов оглядывает всех - семь управляющих трестами и одиннадцать начальников управлений: это пять с половиной тысяч человек, которые уже два года, надрываясь, строят этот цех, и говорит негромко:

- Всех вас в шею гнать надо, обгадились все и сидите тут... Штаны протираете, говнюки...

Такого я даже при Иосифе Виссарионовиче не видел - обычно начальство выбирало одного и пороло на радость уцелевшим, но отхлестать всех разом - на это обычно не решались.

Но следующая фраза поставила всё на место:

- Послезавтра Политбюро слушает о положении с цехом - немцы отказались поставлять трубы, и от Саратова до Москвы класть нечего... Что мы скажем на Политбюро? - он неожиданно смотрит на меня и добавляет: - Если бы Луговской пресс не пустил - министр бы на пенсию пошел, Халецкий, ты это понимаешь?

Я чувствую себя, как Иванушка-дурачок в момент перехода в царевичи, и обалдело гляжу на Красноженова.

Он неожиданно переходит на крик, Халецкий смертельно бледнеет, а “внук раввина” подмигивает мне. Нинин карандаш летает по листу, а на щеках слезы...

- Я твои бумаги, Сидоров, посмотрел, засиделся ты на хорошем месте, обнаглел совсем, вошь подкожная! Халецкого я своей властью выгоню, а о тебе завтра прямо в ЦК говорить буду! Прокурора в обкоме сегодня же кверху жопой поставят, а о тебе, Василий Иванович, я в министерство телеграмму сегодня пошлю - работников своих ты ценить не умеешь, они на риск идут, за дело болеют, а ты их защитить не хочешь! Да ты не вставай, сиди, мы еще в ЦК о том, как ты кадры растишь, наговоримся! А вы, Виктор Михайлович (“Вот это да! - окончательно балдею я, - волк в лесу сдох!”), сейчас же организуйте мне несколько фотографий пресса, цветных, с готовыми трубами. К утру должны быть готовы - завтра я улетаю.

Я встаю и иду к дверям, а он на мгновение прерывает свой гроыхающий фейерверк и говорит мне:

- А если вам меньше полугодовой зарплаты премию дадут - звоните мне. Мне работники нужны.

Что было дальше - я, естественно, не слышал, но по рассказу Нины, которая сидела до конца, побоище продолжалось еще полчаса. Всем, кому мог, Красноженов раздал выговора, а в чужие министерства разослал телеграммы соответствующего содержания. Опытный аппаратный боец, он эти же телеграммы вторым адресом послал в ЦК и прикрыл этим простым приемом свое министерство полностью.

Вечером Нина, я и ребята из нашего управления сидели в “Южном Урале” и обмывали мою будущую премию.

Пресс работал как часы, а “многомудрые и многотайные предначертания начальства” меня не беспокоили. В Челябинск я попал из Комсомольска-на-Амуре, а из Сталинвароша попаду в Софию или Макеевку. И работа и начальство будут всюду - чего беспокоиться...

Лет через пятнадцать после этого удивительного события, о котором пару лет ходили сплетни по трем министерствам, я, уже вполне почтенный кандидат наук и заведующий лабораторией большого научно-исследовательского института, встретил у общих знакомых давнего приятеля моей матери, Ефима Борисовича Боярова, тихого пенсионера, нотариуса окраинного московского района. Маленький плотный старичок с лысой как глобус головой, которую он зачем-то ежедневно брил, Ефим Борисович производил на окружающих весьма

благоприятное, хоть и несколько комическое впечатление. К своим весьма преклонным годам он сохранил несокрушимое здоровье, дальневосточную привычку к медицинскому спирту и любовь к еврейским анекдотам, которые рассказывал с неподражаемым местечковым акцентом. Жил он одиноко в огромной квартире престижного дома на улице Горького, и только немногие еще помнили, что во времена оны этот забавный старичок олицетворял революционную (позднее - социалистическую) законность на огромных пространствах Дальнего Востока и Сибири, где легко поместилось бы несколько Европ.

Как заместитель председателя сначала революционного, а потом военного трибунала края, он, как я помнил еще с детского сада, носил в петлицах два фиолетовых ромба и, приезжая в Москву, неизменно привозил мне пакет кедровых орешков.

Кого и как он судил - я не знаю, но где-то в тридцать седьмом, в самом начале "великого покоса", его исключили из партии, лишили званий и орденов, арестовали и приговорили к расстрелу. Эта обычная по тем временам история поначалу отличалась от тысяч подобных только тем, что была опубликована в печати, и все его многочисленные знакомые (мы в том числе) ждали своего неизбежного ареста. Но, пойдя с самого начала нестандартным путем, она становилась все удивительнее. После приговора его вместо расстрела допрашивали еще полгода и, если не считать сломанного носа и надорванного уха, почти не били, потом арестовали и сразу расстреляли следователя, а Ефим Борисович, получив назад вместо двух юридических один общевоинской ромб и свои ордена, был переведен в Москву, поселился в квартире, о которой я уже говорил, и что-то делал в учреждении, адрес и название которого так и остались неизвестными.

В Москве он опять возобновил свои многочисленные знакомства, и так как о расстреле было известно из печати, внезапные встречи с бравым и вполне живым комбригом часто приводили к последствиям совершенно неожиданным и, как правило, трагикомическим, особенно если он, с молодых лет большой ходок, встречался с кем-нибудь из своих близко знакомых дам. От объяснений он, ссылаясь на секретность, уклонялся и долгое время был героем легенд, которые рассказывались шепотом самым близким друзьям и стекались от них, как и положено, в НКВД.

Войну он окончил с одной генеральской звездой и служил в своем таинственном учреждении до отставки в конце пятидесятых годов. Прожив безбедно год на генеральскую пенсию, он заскучал и пошел работать почему-то нотариусом в контору на окраине Москвы.

К матери, с которой в незапамятном прошлом учился на юридических курсах, он регулярно ходил в гости и с возмущением рассказывал бесконечные истории о каких-то беззакониях, якобы чинимых в его нотариальной конторе.

Был он человеком туповатым и неуклонным и, кроме еврейского Бога, которому он, по моим наблюдениям, тайно поклонялся, верил только в Иосифа Виссарионовича, приписывая ему и свое чудесное спасение. Доверял же он только моей матери, которой и рассказал в моем присутствии свою

необыкновенную историю, заметив вскользь:

- Тебе, Люся, я доверяю больше, чем самому себе, а твой сын, знаю, не хуже матери, - чем и заслужил пожизненную мамину благодарность.

И вот, неожиданно встретив меня в гостях, Ефим Борисович радостно посадил рядом с собой и после первой рюмки сказал:

- Уж сколько лет все сказать тебе забываю - помнишь, как за Челябинск ты в пятьдесят пятом ба-а-альшую премию отхватил? За... - он на секунду запнулся, но уверенно закончил:

- За насосно-аккумуляторную. Моя была работа.

Мгновенно вспомнив, потрясенный его информированностью, я бормочу растерянно:

- Да как вы-то могли, ведь по другому ведомству...

Он довольно смеется и начинает рассказывать:

- Красноженов-то ваш мне соседом по подъезду был, через день с ним опохмелялись. Я его отца еще по КВЖД знал - в соседней конторе начальником был. Сильный работник...- он на секунду замолкает и продолжает, уже явно вернувшись к более близким воспоминаниям. - Так вот, приходит как-то ко мне Володька и говорит: "Ефим Борисыч, в командировку еду, в Челябинск." "Вот, - говорю я ему, - хорошо, от меня подарок передашь, у меня там крестник." Он закутился, отказаться хочет, да я его тогда по одному делу кре-е-епко держал, что делать?.. "Мне, говорит, подарки возить неудобно - я ему так что-нибудь сделаю, а приеду - расскажу". Приезжает через неделю, довольный, выпили мы с ним по случаю приезда - он и рассказывает: "Крестнику твоему такой подарок привез - не догадаешься. Его там совсем местные сожрать хотели, да еще, понимаешь, с моей помощью. Ну, я им врезал от души... вспомнить приятно. А твой-то, наверно, не понял, что его жрать хотят - сидит спокойно, понравилось мне это. Говнюкам из его треста велел ему премию выдать да опыт распространять. Может, я его к себе возьму, а, Ефим?" Долго он мне еще про какую-то гидравлику рассказывал, да я уж забыл. Что ж ты там учудил?

Посреди моего рассказа он, стариковским делом, задремал, и я тихо ушел.

Третье Ф Станислава Лема

В.Н. Романенко, Г.В. Никитина

Немного истории

Во многих странах несколько поколений интеллигенции зачитывались произведениями Станислава Лема. Для русскоязычного читателя он несомненно был культовой фигурой. Да и сейчас, через несколько лет после его ухода из жизни, интерес к его трудам сохраняется в полной мере. К сожалению, в силу личных обстоятельств мы не смогли оформить приводимые далее мысли в виде статьи к 90-летию со дня рождения пана Станислава (12 сентября 1921 года). Мы сознательно не называем его польским писателем, как это широко принято. Найти в западном мире образованного человека не знакомого с его творчеством практически невозможно. Писал он много, а его литературный талант очевиден. Однако именно писательский дар маскирует другие особенности его творчества. В одном из материалов Интернета говорится о трёх **Ф** (Three F) Станислава Лема. Это: *Фантастика*, *Философия* и *Футурология*. Эта триада часто повторяется в посвящённых Лему исследованиях. Иногда к ней заслуженно добавляют *иронию*. Сочетание этих трёх терминов перекликается с названием известной книги С. Лема: *Фантастика и футурология*. Вклад Лема в три области человеческой деятельности, относящиеся к этой триаде, существенен. Поэтому его с равным успехом можно назвать не только писателем, но и философом или же футурологом. Ошибки при этом не будет! Поэтому так трудно написать всеобъемлющий очерк об его творчестве. Мы за это даже боимся браться. Наша цель куда более скромна — выделить и рассмотреть на его примере одну особенность научного предвидения.

Ещё одно замечание. Все, в том числе и мы, обычно рассматривают Станислава Лема, как польского писателя. Это вполне обоснованно: жил в Польше (Краков), учился там же, писал на польском языке и т.д. Был всемирно известен — так это *гражданин мира*. Это тоже обоснованно — отсылка к польской действительности в его произведениях не слишком много. Да и затенены они, по нашему мнению. Тем не менее, не вредно отметить некоторые нюансы. Станислав Лем родился в г. Львове, который ныне входит в состав Украины. До окончания Первой мировой войны, это город, называвшийся тогда *Лембергом*, входил в состав Австрийской империи. Родители писателя были крещёнными евреями. Более того, отец даже имел титул барона. Он был известным офтальмологом. Во время мировой войны он был врачом в австрийской армии и попал в русский плен. В годы российской революции **н** оборванный Лем-отец возвращался домой через Украину. Он был захвачен одним из заградительных отрядов ЧК. Отряд вылавливал бывших офицеров и других подозрительных лиц. Человек в обрывках австрийской офицерской формы и прочее. Говорить тут было не о чем — расстрел был неминуем. Но, бывает же такое! Заместитель командира отряда Фриденберг узнал в

приговорённом врача, который во Львове-Лемберге выписал ему хорошие очки. Командир отряда тоже оказался бывшим парикмахером из этого города. Короче, арестованного пощадили, и он в конечном итоге добрался домой. (Об этом можно прочитать в статье И. Петрова в 114 номере журнала, находящегося по адресу: <http://www.lechaim.ru> .) При известном желании можно связать Станислава Лема с украинской, еврейской и даже австрийской культурой. Сам Лем, насколько нам известно, никогда такой идентификацией не занимался. О своих еврейских корнях он говорил только то, что в молодости об этом не задумывался, а во время немецкой оккупации Львова, если бы на него донесли, то он оказался бы в списке жертв Холокоста. В этом национально-культурологическом кроссворде интересно другое. Он просматривается в подзаголовке, только что упомянутой статьи И. Петрова: *История с послесловием. К 80-летию Станислава Лема, которого нет в еврейской энциклопедии*. Русскоязычная еврейская энциклопедия — это 11 томов. Кроме того, есть её сокращённый сетевой вариант. По состоянию на вторую половину декабря 2011 года Станислава Лема в сетевом варианте на самом деле не было. В общем это странно, так как и «по крови», и по значению Станислав Лем безусловно заслуживает места в этой энциклопедии. Во всяком случае фантасты братья Стругацкие в электронном варианте этой энциклопедии присутствуют. Нельзя считать, что никто не знает об еврейском происхождении Лема. Во Львове именно еврейские организации организовали автобусный тур по тем историческим местам города, которые описаны в одном из его первых, носящих автобиографический оттенок, романов. Скорее всего, отсутствие Станислава Лема в этой энциклопедии связано с отсутствием у её составителей необходимых знаний.

Лем окончил гимназию в 1939 году. Он собирался поступить в Политехнический институт (Львовский политехнический институт широко известное заведение). В это время во Львов вошли Советские войска. Как результат, начались требования «хорошего» социального происхождения у тех, кто поступал учиться в Высшие учебные заведения. Лема по этой причине в Политехнический институт не приняли. Окольным путём, используя связи отца, ему удалось стать студентом-медиком. Во времена немецкой оккупации Лем работал автомехаником в гараже. После окончания войны в 1946 году началась репатриация поляков из западных областей Украины в Польшу. Так Лем оказался в Кракове, где продолжил учёбу в Медицинском институте. Практически закончив институт, Лем не стал получать диплом. Это было вызвано тем, что врачи, после института должны были служить в армии. Фактически с этого момента начинается жизнь Лема как писателя. Следует сказать, что первые его произведения проходили в печать не просто. Дальнейшая жизнь Лема происходила достаточно спокойно, без видимых потрясений и перемен. Жил в Кракове, женился на враче-рентгенологе. Во времена Ярузельского без особого шума уехал что-то изучать за рубеж.

Вся жизнь Лема — это прежде всего творчество. Перечни написанного им, списки медалей, других наград и экранизации его произведений впечатляют. Есть памятные места — технопарки, тематические экскурсии, нечто вроде

музеев. Многие его идеи и введённые им термины вошли в повседневную жизнь. Всё внешне мирно, спокойно и заслуженно. Тем не менее, некая внутренняя, скажем интеллектуальная, напряжённость в его биографии существует. Так например, Лем вступил в американское сообщество писателей-фантастов. Это весьма престижная организация. Однако он сам по доброй воле её и покинул. Он объяснял это тем, что большинство писателей-фантастов пишут, говоря нашим русским жаргоном «развлекуху». К серьёзной проблематике они не способны и не стремятся. Второй пример ещё более разителен. Автор, произведение которого экранизируют, обычно доволен уже самим фактом экранизации. Если это делает известный режиссер, то можно только представить себе то, что в глубине души испытывает автор. Андрей Тарковский снял немного фильмов. Два из них взяли за основу известнейшие произведения, относящиеся к жанру фантастики. Это *Пикник на обочине* братьев Стругацких и *Солярис* Станислава Лема. Сделать фильм на основе литературных произведений с явным философским подтекстом не легко. Режиссер поневоле вносит сюда намного больше своего видения проблемы, чем это представлялось автору исходного произведения. Во всяком случае с нашей точки зрения *Сталкер* по мотивам братьев Стругацких — это фильм резко отличающийся от исходного произведения. *Солярис* Тарковского намного ближе к исходному произведению, чем *Сталкер*. Лем достаточно много работал с Тарковским над переработкой сюжета для этого кинофильма. И тем не менее, в последний момент он отказался от того, чтобы его имя было в титрах фильма. Тихо и с достоинством, без скандала и особо громких заявлений он ушёл из этого произведения. Мотивы очевидны: как говорил сам Лем получилось не философское произведение, а *Преступление и наказание*. Надо обладать большим чувством собственного достоинства и очень серьёзно относиться к своим мыслям, чтобы отказаться быть соавтором знаменитого режиссёра. Не всякий на это способен, а вот Станислав Лем смог. Безусловно — это яркие поступки. Однако, они не укладываются в широко распространённые представления о биографии насыщенной событиями. Поэтому сама биография внешне укладывается в простейшую триаду:

Родился → Творил → Скончался

И ещё одно интересное попутное наблюдение. Люди изучают иностранные языки в силу различных обстоятельств. Бывают ситуации, когда языки изучают, чтобы в подлиннике читать того или иного классика. Часто приходится слышать о том, что итальянский изучают, чтобы читать Данте, английский Шекспира и т.д. Фантастику и детективы, наоборот, читают, чтобы овладеть разговорным языком. А вот после смерти Лема пришлось читать о женщине, проживавшей в годы, когда начал печататься Лем, на Украине. Лема тогда ещё на русский язык почти не переводили. И вот эта женщина специально изучила польский язык, чтобы ознакомиться с его сочинениями. Высокая оценка! Ну, а относительно биографии Станислава Лема можно ещё раз сказать, что вся её напряжённость — это напряжённость его мысли. Вот о

некоторых аспектах его научных и философских размышлений мы и намерены поговорить далее.

Фантастика бывает разной

Если задать вопрос о том, что такое фантастика, и не дать времени на обдумывание ответа, то практически любой человек скажет, что-нибудь в духе того, что это художественное произведение, в котором преобладает фантазия. Обычно в таких ответах будут подразумеваться литературные произведения, хотя последняя пара десятилетий на равных основаниях включила в круг актуальных фантастических произведений и кино, и телевидение. Но о литературе говорить во многом проще, да и сам Станислав Лем был писателем. Поэтому мы позволим себе ограничиться литературой. Если быть точным, то представить себе творческое произведение, в том числе и научную работу, без определённой доли фантазии невозможно. Даже сугубо реалистические произведения типа Тургеневских *Записок охотника* ставят героев, обычно вымышленных, в некоторые искусственные обстоятельства. *Человек, который проходил сквозь стены* Марселя Эме основан на безусловно фантастической способности некоего чиновника проходить сквозь стены. Это обстоятельство, однако, необходимо для развития достаточно реалистического сюжета. Иными словами, ни наличие фантазии, ни особые вымышленные фантастические обстоятельства и возможности, ещё не позволяют отнести произведение к разряду фантастики, тем более фантастики научной. Непросто дать строгое определение и установит чёткие границы того, что можно с уверенностью назвать произведением, которое относится к жанру фантастики. Мы даже не пытаемся предпринять здесь соответствующую попытку. В то же время большинство людей достаточно чётко умеет выделить фантастику из общего литературного потока, хотя конечно границы такого выделения не очень строгие.

Вымышленные обстоятельства (фантастика) основа любого произведения искусства. Вопрос об отнесении его к жанру фантастики связан с некоторыми количественными оценками фантастических обстоятельств. Однако, главное в определении жанра — это взаимодействие героев с этими обстоятельствами. Основой настоящей фантастики можно считать то, что в ней фантастические элементы важны не только для создания фабулы. В фантастике они нужны для выявления некоторых особенностей окружающего мира. Это те особенности, которые обычным путём описать и выявить очень сложно. Если говорить самыми общими словами, то фантастические произведения рассматривают две разные задачи. Первая — это поведение обычного человека в необычных обстоятельствах и окружении. Вторая ситуация обратная — предлагаемые обстоятельства позволяют оценить новые особые возможности человека или социума. Конечно, возможны и сочетания обеих подходов. И в том, и в другом случае авторы произведений решают разные задачи. Самая простая из них — создание на основе необычных обстоятельств некоторой новой фабулы, нацеленной на развлечение. Главная идея здесь — новизна обстоятельств,

которая фактически маскирует стандартные сюжетные ходы и традиционные характеры. Обоснованность обстоятельств авторов не волнует. Такие произведения заполнены субсветовыми скоростями, телепортациями и т.п. явлениями, многие из которых заведомо невозможны. Если эти обстоятельства не предназначены для выявления каких-либо интересных и полезных соображений, то произведения подобного рода — это то, что и принято называть развлечением. Бывают и очень интересные произведения этого плана. Именно из-за огромного удельного веса сочинений такого рода Станислав Лем вышел из общества американских писателей-фантастов. Мы литературу этого рода здесь затрагивать не будем.

Оставшиеся произведения можно условно разбить на три части. Первая часть — это то, что можно назвать *просветительской фантастикой*. Её цель ознакомить читателя с новыми достижениями научной мысли, как в области технической, так и в области социальной. Типичный пример автора писавшего в этой области — это Жюль Верн. Его первый опубликованный роман *Пять недель на воздушном шаре* знакомил читателя с африканским континентом. Роман первоначально задумывался как научно-популярное произведение. Издатель Этцель увидел возможности преподнести этот материал в виде занимательного чтения и тем самым создал Жюль Верна, как автора. Произведения подобного рода не только в занимательной форме знакомят читателя с новыми фактами. Иногда они играют и серьёзную практическую роль. О шарообразности Земли и о связи времени с долготой места кое-что знали уже в древности. Спутник Магеллана Пифагетто обнаружил, что обойдя земной шар с запада на восток путешественник «приобретает» лишний день. Тем не менее, долгое время это никого всерьёз не волновало. Во второй половине XIX века рост путешествий, активные торговые связи, железнодорожное строительство заставили обратить серьёзное внимание на составление расписаний, датировку времени отправки телеграмм и ряд сопутствующих вопросов. В 1884 году на Международной конференции канадский инженер, строитель железных дорог. С. Флеминг предложил пользоваться «зонным временем» (*zone standard time — ZST*). Встал вопрос и о введении линии перемены дат. Сейчас об этом знает каждый школьник и никто не задумывается о том, как не сразу цивилизованное человечество восприняло эти разумные идеи, с каким трудом в соответствующие мысли внедрялись в сознание. Именно в период предшествующего активного обсуждения этих проблем (в 1871 году) выходит в свет роман Жюль Верна *Вокруг света за 80 дней*. Обычно этот роман рассматривают, как приключенческий. На самом же деле его появление сыграло немалую роль в продвижении реформы счёта времени. Просветительская роль романов Жюль Верна огромна. Он писал о новейших достижениях науки и техники и поэтому далеко вперёд не заглядывал. Существуют специальные исследования того, какие из предсказаний Жюль Верна сбылись, а какие оказались ошибочными. Процент того, что сбылось впоследствии, иногда даже при жизни самого автора огромен. Но и ошибок достаточно. Для автора, который пишет «на ближайшую перспективу», это естественно. Да и исследование «ошибок» в таких прогнозах

интересно и поучительно.

Две другие задачи, которые ставятся авторами произведений фантастического жанра чаще всего связаны с прогнозами на далёкое время или же с вневременными обстоятельствами. Наука опирается на уже известные результаты, а свои выводы всегда стремится проверить. Далёко не все кажущиеся очевидными вещи, а тем более прогнозы можно легко и быстро всесторонне исследовать. Именно поэтому как футурология, так и глубокий взгляд назад, всегда имеют оттенок некоторой гадательности. Бывают ситуации, когда выводы можно проверить путём тщательных логических рассуждений. Такие рассуждения нередко сводятся к построению некоторых гипотетических ситуаций. Такую методику исследования принято называть *мысленным экспериментом*. Судя по всему этот термин ввёл в обиход Альберт Эйнштейн. Во всяком случае он достаточно широко и успешно использовал этот подход в своих работах. Думается, что многие читатели знакомы с термином *Ядерная зима*. Упрощённо можно сказать, что так обозначают резкое похолодание, которое последует из-за огромных скоплений пыли, дыма и сажи в атмосфере после серии ядерных взрывов. Естественно никто не имеет серьёзного практического опыта в изучении таких глобальных последствий широкомасштабной ядерной войны. Никто и, почти наверняка, никогда не рискнет проводить реальные эксперименты подобного плана. Да и невозможно их придумать. В то же самое время особых сомнений в наличии таких последствий глобальной войны, впервые описанных американским физиком Карлом Саганом и российским учёным Г.С. Голициным, нет. Компьютерное моделирование подтвердило правильность всех соображений и выводов. Можно сказать, что это был крупномасштабный мысленный эксперимент, который оказал огромное влияние на поведение политиков во всём мире.

Этот эксперимент был не только глобальным по масштабам. Он говорил о достаточно кратковременных прогнозах. Кроме того, он основывался на большом количестве реальных данных. В случае же более далёких по времени, менее обоснованных и не столь глобальных проблем для привлечения и мысленного исследования проблемы нужны иные средства и приёмы. Одним из них и является обращение к фантастической литературе. Кино и телевидение всё же идут вслед за литературой, так как образное восприятие требует более тщательной и детальной предварительной разработки, которая и выполняется в литературной форме. Можно сказать, что для реализации мысленного эксперимента литература имеет более подходящие средства и не обременена поиском новых изобразительных форм. Вот с такими мысленными литературными экспериментами и связаны две другие задачи серьёзной научной фантастики. Одна из них — это мысленный социальный эксперимент. Элементы такой фантастики просматриваются в мифах и сказаниях практически всех народов. Их изучение, скорее всего следует отнести к истории литературы. Если же говорить о ранних, ярко выраженных фантастических произведениях такого рода, то сразу же вспоминается *Утопия* Томаса Мора. Тот факт, что название романа в качестве термина переключалось в гуманитарные науки, говорит сам за себя. В нынешние времена фантастической литературы

подобного плана достаточно много. Огромная часть произведений братьев Стругацких яркий пример такой литературы. И польза польза, и доходчивость таких материалов несомненны.

Вторая задача мысленных экспериментов в рамках научной фантастики — это осмысление новых научных и технических идей. Многие произведения такого рода относятся к тому разделу научных знаний, который иногда называют *Философия науки*. Именно к этому типу произведений и относится основное содержание творчества Станислава Лема. Именно на некоторых аспектах подобных литературных произведений и, как следствие, на особенностях творчества самого Станислава Лема, мы и хотим обратить внимание читателя. Вне всякого сомнения, резких границ между условно намеченными нами областями научной фантастики нет. Но мы и не ставим себе целью изучить все особенности научной фантастики в её литературных и исторических аспектах. Наша задача более скромна и конкретна. Мы хотим отметить ряд особенностей творчества этого замечательного человека с несколько иной, по сравнению с обычными исследованиями позиции. Мы не претендуем на исследование всех его произведений и на сравнительный анализ, в который должны вовлекаться произведения многочисленных авторов. Наша цель более скромна — мы хотим указать на некоторые возможности публичного обсуждения новых научных идей. То насколько эти возможности реализуются разными личностями, то есть вопросы конкретных условий и величины таланта, мы не затрагиваем.

Как можно привлечь внимание к новой идее

Зарождение новой идеи процесс длительный и непростой. Созревание точного вопроса и его формулировка требуют большого времени. Поэтому авторство часто независимо принадлежит разным людям. Чем более созревшей для появления новой идеи является обстановка — тем больше у неё авторов. Для широких идей, реальная проверка которых может быть выполнена не сразу и требует больших усилий, ситуация ещё более сложна. Не вдаваясь в детали процесса можно сказать, что в жизни нередко возникает ситуация, когда идею, обоснованную только догадками, желательно довести до сведения научной общественности. При этом глобальные идеи, то есть идеи философского плана, должны быть обращены к весьма широкому кругу читателей. Часто оказывается, что адресация самой идеи не всегда ясна и самому её автору. В то же самое время, привлечь к ней внимание и провести предварительное обсуждение необходимо. Кроме публикаций в специальной литературе для этой цели существуют и специальные издания научно-популярного характера. Одним из вариантов решения проблемы является обращение к научной фантастике. Возможность проведения в научно-фантастическом произведении мысленного эксперимента можно считать большим достоинством. Серьёзно думающий автор в серии из нескольких произведений может рассмотреть различные аспекты ситуации и, как следствие, чётко сформулировать свою гипотезу. Обращение к подобным методам работы не столь редкая вещь, как

может показаться. Трудности этой методики связаны с очевидным фактом — научной мышление и литературный талант вещи независимые. Поэтому их одновременное появление у отдельной личности, то есть сочетание двух **Ф**, случай достаточно редкий. Умение же заглянуть в будущее, то есть футурологическое третье **Ф** в добавление к двум предыдущим, можно считать случаем исключительным. Точнее надо сказать так — одновременно встретить все эти три **Ф** у одного человека можно очень редко. Редким является и одинаковое сильное проявление в деятельности одной личности сразу всех трёх **Ф**. Именно таким исключительным случаем и следует считать творчество Станислава Лема.

Замечательный литературный талант Лема как бы маскирует остальные составляющие его творчества. Его произведения чаще всего рассматривают, только как литературу. Его футурологические соображения обсуждаются тоже очень часто. Нередок и подход к нему как к философу. Однако, насколько нам известно, никто ещё не пытался собрать все те моменты творчества этого автора, которые связаны с философией науки и построить полную философскую систему его взглядов. Такой подход к творчеству, позволяющий выявить скрытые связи и свести их в систему, встречался в истории не раз. Достаточно сослаться на труды известного историка Арнольда Тойнби. Его объемные и сложные труды по настоящему стали известны только после того, как Д. Соммервил сумел изложить первые шесть томов его многотомного *Постижения истории* в более сжатой (несколько томов) и написанной более доходчивым языком форме. Этого оказалось достаточно для понимания основных идей и знакомства с общей концепцией работ Тойнби в целом. Можно найти и другие примеры подобного рода. Поэтому идея в сжатом виде изложить систему взглядов Станислава Лема представляется разумной. Конечно, такая работа потребует времени и сил, а также хорошей предварительной теоретической подготовки. Мы надеемся, что такое исследование рано или поздно будет выполнено. В нашем кратком популярном очерке такую программу реализовать невозможно. Мы хотим только обратить внимание на несколько узловых точек, к которым Лем неоднократно возвращался в своём творчестве. При этом на полноту обсуждаемых моментов мы не претендуем. Мы пишем о том, что привлекало наше внимание и возбуждало интерес к творчеству этого автора в течение почти 50 лет.

Как говорится, только ленивый не пишет о том, что Станислав Лем предвидел Интернет. Конечно, это верно, но на самом деле это наименее интересный вывод из анализа его творчества. Как всегда «у победы много отцов». Интернет уже реально существует несколько десятилетий. О нём знает каждый. Сразу же выяснилось, и часто вполне справедливо, что в той или иной форме его предвидели многие. Разбираться в этом наборе амбиций и фантазий не интересно. Да и теперь «предсказатели» Интернета уже не в чести — что такое предсказать то, что известно младенцу! Если к вопросу отнестись чуть более серьёзно, то полезно обратиться к ранним переводам Лема на русский язык. В этих переводах нет слова компьютер, а есть *вычислитель*. Сейчас автор так бы не сказал, да и переводчик бы не сплеховал. Значит произведение

писалось и переводилось в докомпьютерную эпоху. Вне всякого сомнения, такой лингвистический анализ весьма интересен. Однако, он уведёт нас в сторону. Поэтому обратим внимание на другие темы, которые волновали этого автора. Здесь проявится то, что есть круг вопросов, которые сейчас находятся на переднем фронте науки и которые или затронуты Лемом, или же постоянно находились в центре его внимания. Так, одним из последних рассказов Лема был *Насморк*. Простая, но увлекательная, фактически детективная история. Прочитав её человек неожиданно понимает ряд важнейших принципов *синергетики*. Само же повествование показывает вдобавок и то, как хорошо знаком автор с рядом идей и понятий современной математики.

Одной из тем, которые волновали Лема на протяжении всего творчества, была тема взаимного понимания и коммуникации. Он рассматривал её в разных аспектах. В раннем, вышедшем в свет в 1959 году, юмористическом рассказе *Вторжение с Альдебарана* эта тема проходит как бы вскользь: автоматический телепат-транслятор космических пришельцев переводит фразу пьяного поляка: *А мать твою сучью, дышлом крещённую!* как: *Предок по женской линии четвероногого млекопитающего, подвергнутый действию части четырехколесного экипажа в рамках религиозного обряда, основанного на...* В одном из романов Лема о космических полётах земляне встречают существа, чем-то напоминающие кентавров, с которыми приходится общаться создавая некие фигуры на особой доске с помощью электростатических полей. В конечном итоге и в *Солярисе* также идёт речь о некоторых особых типах коммуникации, хотя это и не основной композиционный момент романа. Более широко, работа мозга, отражающего реальность, то есть достаточно близкая проблема, также рассматривается в рассказе *Странные ящики профессора Коркорана*. Он входит в серию *Из воспоминаний Ийона Тихого*. Возможности мозга описаны и в *Странном госте профессора Тарантога*. Можно привести и другие примеры. Эти вопросы тесно связаны в творчестве Лема с проблемами взаимопонимания, разнообразием формы жизни и т. п. Близки к этому и рассмотрения искусственного разума, например в *Формуле Лимфатера*. Все вопросы этого плана тщательно обдуманы автором. Для их рассмотрения привлекаются хорошо изученные и тщательно обоснованные соображения. Так например уже упоминавшаяся *Формула Лимфатера* описывает интересные свойства коллективных насекомых. Этой темой сейчас всерьёз занимается и профессиональная наука. В этом же рассказе даются и очень интересные и разумные оценки возможностей биологической эволюции. Фактически, если посмотреть с этих позиций, творчество Лема предстаёт в виде глубоких философских рассуждений, одетых в блестящую литературную форму научной фантастики.

Ещё одна тема, постоянно интересовавшая Лема, и рассмотренная им в разных аспектах в нескольких произведениях — это коллективный разум, или говоря словами профессора В.М. Луговского *супермозг*. Наиболее известные обращения Лема к этой теме *Солярис* и *Непобедимый*. Соответствующие идеи в массовом сознании прочно связаны с именем Станислава Лема. Не случайно недавно при обсуждении на страницах средств массовой информации

последних достижений в работах, посвящённых *Последнему универсальному общему предку* (*Last universal ancestor — LUA*), прозвучали сравнения с *Солярисом*. Такие сравнения дорого стоят! Подробное препарирование всех таких моментов в творчестве Лема должно по смыслу привести к созданию энциклопедии или словаря, описывающих все аспекты и даже мельчайшие соображения, встречающиеся в его творчестве. В рамках этой статьи такое сделать невозможно. Куда важнее отметить то, что выделенные нами моменты по существу группируются вокруг общих проблем эволюции и проблем того, что принято называть *информационно революцией* (иногда говорят четвёртой информационной революции). Во всяком случае практически одновременно, а может быть и чуть раньше. Станислав Лем стал популяризировать идеи, которые нашли себе отражение в ныне широко известной книге *Элвина (Alvin) Тоффлера*, посвящённой т.н. *Третьей волне* (См. Э. Тоффлер. Третья волна — М.: АСТ. 2004. 781 с.). Иными словами, можно сказать, что Лем задумался об этих проблемах и довёл их до широкого читателя одним из первых. Ну, а форма подачи и вопросы приоритета на самом деле не столь уж важны.

Слово о бактериях

Мы уже подготовили этот материал к печати, когда заново прочли работу двухлетней давности, на которую ранее серьёзного внимания не обратили. Речь идёт о: *A. Be'er, H.P. Zhang, E.-L. Florin, S.M. Payne, E. Ben-Jacob, H.L. Swinney roc. of the National Academy of Science of the United States of America January 12 (2009) vol. 106 no 2, pp 428-433*. Эта статья продолжение цикла работ по изучению поведения бактерий. Авторы наглядно показали, что две близко расположенные колонии одинаковых бактерий при недостатке пищи перестают расширяться в направлении друг друга, изменяя изначальную форму своей колонии, имеющей вид почти идеального круга. Иными словами, между двумя близко расположенными колониями идёт обмен информацией. Этот эффект, известный и у других живых существ, получил название *Чувство кворума*. Мы не будем вдаваться в его анализ. Мы обратим внимание на иное. Ещё в 1973 году был опубликован сборник рассказов С. Лема *Мнимая величина*. Это была оригинальная форма довести до общего сведения новые идеи автора. Внешне сборник представлял из себя рецензии, написанные на несуществующие книги. Это привлекло всеобщее внимание. В этом плане у Лема нашлись последователи, например В. Розов, один из рассказов которого, написанный в этом же стиле, мы в своё время передали для размещения на сайте ЭНС. Обсуждая форму сборника часто забывали о содержании рассказов, помещённых в нём. В частности обошли молчанием и идею рассказа-рецензии на несуществующую книгу *Реджинальда Гулливера «Эрунтика»*. Этот рассказ с удивительной прозорливостью описывает идею, которая теперь подтверждена опытами, описанными в упомянутой нами в начале раздела статье. По фабуле рассказа некий Реджинальд Гулливер, воздействуя в 45.000 опытах (статистика!) на колонии бактерий, размножившихся на традиционном агаре, заставил их менять форму колонии, а затем и передавать информацию в окружающую среду. Юмор С. Лема проявился здесь в полную меру — при

наличии вредных воздействий колония росла в виде чёрточек. Вместе с обычной формой — точки, бактерии передавали сигнал бедствия: *SOS*. При этом упускалось из вида главное: С. Лем указал на передачу информации от колоний бактерий и фактически указал на то, что она передаётся химическими носителями. К сожалению, как это часто бывает, в то время это осталось почти незамеченным. Да и сейчас при обсуждении статьи, с которой мы начали этот раздел, имя Лема, насколько нам известно, не упоминается.

В этом плане вызывает грусть и судьба статьи С. Лема *Стратегии паразитов, вирус СПИДа и одна эволюционная гипотеза*. Её перевод на русский язык был опубликован в журнале «Природа», 1989, № 5 с.96-104. В последние годы на эту статью всё же обратили внимание и по её поводу идёт активная дискуссия. (См. напр. Супотницкий М.В. Введение и комментарий к статье С. Лема «Стратегия паразитов СПИДа и одна эволюционная гипотеза», опубликованную в: *Эпидемия ВИЧ\СПИД в Украине .920006*) № 6 750-751; 762-768.) Нетрудно понять, что в обеих этих работах идёт речь всё о той же глобальной проблеме — *обмен информацией*.

Эта короткая заметка написана для того, чтобы обратить внимание на два обстоятельства. Первое — это большую роль философии науки (третье **Ф**) в творчестве Станислава Лема. Второе обстоятельство — проиллюстрировать на примере творчества этого писателя особый подход к выдвижению и обсуждению новых общенаучных идей, которые конкретный автор в своих реальных обстоятельствах глубоко изучить не может. Всё это не случайные находки этого автора. Человек, более или менее внимательно прочитавший произведения Станислава Лема, легко видит, как глубоко понимал этот автор специфику исследовательской работы, как хорошо он знал нравы и привычки учёных и с каким непревзойдённым юмором он описывал многие особенности этой среды. Эти вопросы, однако, уже предмет для другого, более глубокого исследования.

Доцент, кандидат физико-математических наук Борис Самуилович Тёрушкин увлекается спортом. Он до сих пор выступает в теннисных соревнованиях городского уровня. Увлекается он и сплавом на плотах. Одновременно он увлечённо преподаёт информатику и математику в Государственном университете технологии и дизайна.

Информатизация образования и клуб рафтеров (шутливые заметки)

В далёком 2001-м году, на занятиях то ли по практикуму Windows, то ли по программно-техническим средствам один из студентов (Владимир Кулишкин, впоследствии Боцман) заметил серебристый значок «2:5030 FidoNet» на лацкане пиджака доцента кафедры информатики Тёрушкина (Адмирал по клубному) и попросил объяснить, что это значит. Но в самом начале объяснения – 2: - Европа, 50 – Россия, 30 – Санкт-Петербург - неожиданно прервал объяснения и собрал большую часть группы (экономисты внешнеэкономической деятельности), чтобы послушали. Студенты внимали с некоторым интересом – всё-таки неизвестная, глобальная, принципиально бесплатная сеть друзей резко контрастировала в душах многих небогатых студентов - в то время подобные встречались гораздо чаще даже среди престижных экономистов – с малодоступной, но раскрученной сетью Интернет.

На следующее занятие будущий Боцман пришёл с золотистым значком того же содержания. Это означало, что в сети FIDO его статус – нода (минипровайдер по интернетовски), т.е. выше статуса Адмирала (пойнт – т.е. пользователь по интернетовски). На вопрос о ваянии дурака ответил, что давно хотел бы объяснить одноклассникам, что такое FIDO, но всё как-то не получалось, а преподаватель – профессиональный объясняльщик по статусу – сделал этот кратко, доступно и интересно. Так зародилась дружба доцента (Адмирала) и его любимого студента (Боцмана). Адмирал получил ещё один адрес на ноде Боцмана. Следует заметить, что работа FIDO за крайне редким исключением проходила в офф-лайн режиме по ночам. Так было потому, что FIDO – это в основном сеть электронных досок объявлений, да и связь велась через телефонные модемы (14400 – 36000 бит/сек), что занимало десятки минут на связь, и днём могло подвесить всю петербургскую телефонную сеть. Связь была по теперешним меркам очень неустойчивой, и дополнительный адрес не был лишним.

На зачёте, который Боцман получил автоматически задолго до

остальных одnogруппников, он сел в лаборатории через одну от той, где был зачёт и, пользуясь недостатками организации локальной сети кафедры, рассылал одnogруппникам файлы с решениями задач. Однако был изловлен на месте преступления Адмиралом, который заподозрил неладное и попросил сисадминов проверить трэффик между рабочими станциями кафедры. На заседании кафедры лектор-экзаменатор по информатике – другой предмет, другой преподаватель – обещала выгнать Боцмана за это с экзамена и с территории кафедры с одновременной простановкой оценки «отлично» в ведомости. Но обещание не выполнила, пришлось Боцману получить «отлично» на общих основаниях.

Чуть позже Боцман и Адмирал создали эхо-конференцию `spb.gutd` (жалкий аналог социальной сети по-интернетовски) для общения студентов и преподавателей. При этом Боцман взял на себя все технические проблемы, а Адмирал – обязанности модератора. Чуть позже Боцман создал первый сайт, в этот момент группа друзей–походников превратилась в самостоятельный клуб FRC (FidoNet Rafting Club). При этом немного поспорили Club или Company, сейчас бы назвали, наверное, Community. Чуть позже он же «прикрутил» к сайту и первый форум для общения.

На следующий учебный год Адмирал, аки председатель методсовета по программно-техническим средствам кафедры информатики, организовал секцию «современные информационные технологии» (кафедральная секция на правах факультетской) на студенческой конференции «Дни науки» в университете технологии и дизайна (ГУТД), и они с Боцманом выставили студенческие работы Боцмана по созданию эхо-конференции и сайта с форумом на конкурс (автор – Боцман, руководитель – Адмирал). По совокупности 2-х работ Боцман занял первое место и был по-царски награждён проректором по информатизации ГУТД проф. Михаилом Владимировичем Вороновым (он же зав. каф. информатики) – 40 часов бесплатного Интернета из дома через хост ГУТД и пожизненный (т.е. до окончания университета) доступ в Интернет с компьютеров кафедры (в то время студенты не имели права выхода в Интернет за исключением специальных занятий парочки групп старшекурсников только под руководством преподавателей кафедры Якуничевой и Тёрушкина).

Кстати, второе место заняла работа старосты студенческой группы 3-го курса по специальности АСУ кожевенного производства (когда-то была такая специальность, и ещё было такое производство...) посвящённая созданию автоматизированной системы тестирования студентов (руководитель – доцент Тёрушкин). Эта система позволяла проводить тесты, автоматически мгновенно собирать информацию на сервере, импортировать её в СУБД Access и далее обрабатывать как душе угодно. В частности, преподаватель мог задать критерии и одним щелчком получить ведомость для текущей аттестации студентов для представления в деканат (когда-то такая аттестация была, и были студенты, которые её успешно проходили...). Работа послужила основой дипломной работы, посвящённой использованию автоматического тестирования для аттестации мастеров кожевенного производства. Тогда ещё не было тестирования остаточных знаний Минвузом и пресловутого ЕГЭ....

Впоследствии эта студентка кожевенного факультета непродолжительное время работала ассистентом кафедры информатики ГУТД и ИСиЕН (информационных систем и естественных наук) НИЯК'а (Невского института языка и культуры). Причём на кафедре ИСиЕН работала, будучи ещё студенткой 5-го курса – под ручательство зав. каф. ИСиЕН Б.С.Тёрушкина (т.е. Адмирала). «Да, были люди в наше время...» и «есть женщины в русских селеньях...». Трудно упрекнуть её в том, что она (выпускница кожевенного факультета!) предпочла работу специалиста по IT технологиям работе ассистенткой сразу в 2-х ВУЗах, всё-таки стартовая зарплата IT специалиста на порядок больше зарплаты ассистента...

Плотовой клуб FRC меж тем процветал. Число членов его росло. Периодически в походах участвовали иностранцы. Не только из ближнего зарубежья, но и из Голландии (аспирантка – стажёрка ГУТД), Франции, Израиля, США.

Отличие нашего клуба от всех остальных в том, что мы - полностью открытый клуб, то есть принять участие в походе с нами может абсолютно любой человек, без каких-либо ограничений (но для студентов ГУТД необходимо отсутствие «хвостов» по математике). У нас есть свой сайт с форумами (www.frc.spb.ru). По мере возможности и наличия свободного времени здесь размещаются фотографии, видео (или ссылки на них), отчеты с прошлых походов, приглашения в новые, рассказ о членах FRC и многое другое. Полезно будет заглянуть и в нашу WWW-конференцию, которая находится в разделе "Форум" - именно там проходит основное общение членов FRC и людей, интересующихся нашими походами, обсуждение новых маршрутов, другие проекты (например, клубный волейбол по субботам), а также голосование

В настоящее время в клубе более 350 участников (формального членства с билетами нет, вступление в клуб бесплатно), из них около 150 человек – активно и регулярно участвуют в разнообразных мероприятиях клуба. Рекордное число участников одного похода – открытие сезона – 107 человек, в том числе младшему 1 год, старшему 72 года. Для столь массовых походов обычно заказываются 1-2-3 больших автобуса (туда-обратно).

Походы бывают 2-х типов: «отдых на воде» и «немного экстрима». Отдых на воде – походы по спокойным речкам, часто без касок и спасжилетов, обычно на выходные дни, никакого экстрима. «Немного экстрима» - это походы по категорийным рекам с порогами и тренировки для этих походов. Сидение в «бочке» внизу ступени порога под струями воды в переполненном водой плоту (рекорд – 1,5 часа, но обычно десятки секунд) – обязательное упражнение для подготовки к походу этого типа. Переворот плота в пороге или бочке – один из возможных исходов упражнения, часто сознательная цель захода в «бочку». Есть многочисленные фото и видео, в том числе «в контакте» в группе <http://vkontakte.ru/club277039>. Излишне напоминать, что во всех походах перед и во время перехода любые спиртные напитки, включая пиво, недопустимы (после перехода, за ужином можно «в меру»). А вот грибы, ягоды, свежая и свежекопчёная рыба приветствуется всегда и всеми. Многие любят рыбалку,

заплывы рядом с идущим плотом и «джакузи» между камней порога. В длительных походах во время днёвки ставится походная баня на камине из собранных камней. Вообще это здорово и здорово, быть в походе, жить в палатке, питаться здоровой пищей, приготовленной на костре. Рубить дрова, складывать камин, латать плот и пороги, пороги, пороги! Все в группе на 2-й день уже друзья (когда флот не из 100 человек...).

Продолжительность походов варьируется от продолжительности выходных, отпусков, каникул – от 2 суток (тренировки на порогах в Лосево, на Большом Толли, Кеняйкоски – 1-2-3-я категория) до 14 суток (поход 3-й байдарочной категории с элементами 4-й по карельской речке Чирка-Кемь).

Приглашаем новичков. Всех. С опытом и без. Кроме пьяниц и двоечников по математике... ☺

Обращаться можно к Б.С.Тёрушкину – кафедра математики ГУТД, Сергею Викторовичу Ковшарю – отдел недвижимости, Антону Голубихину – аспиранту кафедры теоретической и прикладной химии.

Приложение – одна из легенд клуба FRC.

В клубе есть несколько легенд-былей-сказаний. Основное сказание - о «матери-Героине и отце-Героине» - приводится ниже.

Сказание о матери-Героине, отце Героине, Героинчике и пользе походов

Клубное прозвище Сергея Зубарева – Отец-Героин или просто Героин – не имеет никакого отношения к наркотикам. Давным-давно Лена Зубарева (мать-Героиня), на тот момент староста учебной группы 3-го курса кожевенного факультета, пошла в первомайский поход со своим мужем, будущим Героином. Через некоторое время – догадайтесь сами, какое, у них родился сын Саша (Героинчик).

Через неделю после рождения сына Лена уже сидела на лекциях и лабораторных занятиях, по крайней мере, на кафедре информатики (вот он, пример, достойный подражания! – прим. доцента Б.С.Тёрушкина). Сей факт не укрылся от ока начальства, а именно от проректора по информатизации и зав. кафедрой информатики М.В.Воронова, который заметил на лекции, что на сиденье последнего ряда стоит плетёная корзинка, в которой крепко спит малыш (ныне Саша-Героинчик) в ожидании перемены и, соответственно, обеда.

На заседании кафедры Михаил Владимирович оценил поступок Лены Зубаревой, как геройский. Прозвище «мать – Героиня» прижилось на кафедре. Разумеется, клуб постановил, что Сергей – вспомните срок с момента похода до рождения сынишки - заслуживает не меньшего, чем «отец – Герой». Но потом решили, что по правилам русского языка «Героин» больше подходит для мужа матери – Героини. Так и повелось... Сейчас у Героинчика есть и сестричка, Героинька. В походы ходит вся семья.

Об авторе.

Борис Самуилович Тёрушкин, к.ф.-м.н., закончил 157 физ-мат. школу (программист 2-го разряда), физический факультет ЛГУ, аспирантуру ЛГУ. 2 года служил офицером (лейтенант, старший лейтенант) в Советской Армии

(инженер по ремонту радиолокаторов, врио начальника финансового довольствия, врио заместителя командира части по тылу). Длительное время работал научным сотрудником – руководителем группы аналитической физики в лаборатории аналитической химии в НИИ химических волокон и композиционных материалов, работу совмещал с одновременным преподаванием вычислительной техники и физики в разных ВУЗах. В разное время преподавал, помимо упомянутого, математику, электротехнику, радиосветодальномерные измерения, информатику, программно-технические средства, Интернет-технологии, компьютерную графику, пакеты современных компьютерных программ, иностранный язык (английский). Заведовал кафедрой информационных систем и естественных наук, был заместителем председателя совета по информатизации НИЯК'а. Соавтор реализованной в НИЯК'е идеи о превращении компьютерных классов в унифицированные многопрофильные центры (лингвистические кабинеты, читальные залы, учебные лаборатории, центры общения, центры по дистанционному обмену лекторами). Организатор секции «современные информационные технологии» на студенческой конференции «дни науки» ГУТД и одноимённой секции на ежегодной международной конференции «Невские чтения» проходящей в НИЯК'е. Автор предложения о чтении одним преподавателем лекций по разным дисциплинам (например, физике и математике) с целью дальнейшего полидисциплинарного тестирования.

